

Ая Грин
Осколки Льда

«Литнет»

2025

Грин А.

Осколки Льда / А. Грин — «Литнет», 2025

Я всегда старалась быть невидимой. Учёба, работа, тишина — вот мой выбор. Но прошлое вернулось в самый неожиданный момент. Артём Вершинин. Золотой мальчик, сын влиятельного отца-миллионера. Красивый, жестокий, беспощадный. В школе он превратил мою жизнь в ад. И я клялась, что никогда больше не встречу его взгляда. Теперь мы в одном университете. И он снова рядом. Хищный, опасный, слишком близкий. Он рушит мой хрупкий мир и получает удовольствие от каждой моей слезы. Но почему его холодные глаза жгут сильнее любого прикосновения? Почему сердце бьётся быстрее, когда он рядом? Психологическая драма Жестокий герой ♥️# Медленно разгорающееся чувство Р. S. Все герои достигли совершеннолетия.

© Грин А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 14	48
Глава 15	51
Глава 16	54
Глава 17	57
Глава 18	60
Глава 19	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1

Красные цифры на дисплее будильника вспыхнули в полумраке, выведя безжалостное 05:30. Миг — и звонок пронзил тишину, тонкий, но настойчивый, словно чья-то холодная ладонь легла на плечо и встряхнула.

Лиза давно проснулась до звона, но всё равно дождалась его — будто этот момент подводит итог ночи и открывает день. Она двигалась аккуратно, чтобы не разбудить соседку: та ещё спала, раскинувшись на скрипучей кровати, ворочаясь и сопя.

Её угол выглядел иначе. Стопка выглаженной одежды, сложенная так ровно, что казалось, на неё можно ставить уровень. Белая рубашка без единой складки, тёмно-синие джинсы, серый свитер. Всё простое, но будто нарочито правильное. На столе — тетради с конспектами, где каждая строка подчёркнута линейкой, каждое слово на своём месте. Даже закладки — все одного цвета.

Она поднялась, заправив волосы в хвост. Лицо в тусклом зеркале казалось слишком взрослым для её лет: усталость под глазами, прикушенные губы, но взгляд — твёрдый, собранный. Она дёрнула молнию куртки и уже у самой двери задержала дыхание. Пальцы нашли тонкую цепочку и поправили серебряный крестик на шее. Маленький, почти незаметный. Но без этого жеста она не выходила. Ритуал. Оберег.

Вдох. Выдох. Пора.

Город ещё спал. Фонари тускло моргали, будто уставшие глаза. Асфальт блестел от ночной влаги. Лиза шла быстро, каблучки кед коротко стучали в тишине.

Она любила это время. Когда улицы пустые, и кажется, что весь город принадлежит только ей. Нет чужих голосов, нет косых взглядов, нет обязательств. Только её шаги и ветер, который пах чем-то свежим, чуть горьким — будто надеждой.

Лиза вслушивалась в свои мысли, и они звучали яснее, чем днём. *Новая жизнь. Новый день. Ты сможешь. Сначала будет трудно, потом станет легче.* Она повторяла это про себя, как молитву.

Свет зажигался в редких окнах. Где-то хлопнула дверь — человек спешил на ранний поезд. Где-то загудела машина. Но всё равно утро оставалось её временем. Идти вперёд было приятно, почти легко.

Она представила, как в университете всё будет по-другому. Что здесь у неё получится. Никто не знает её прошлое, никто не помнит ошибок. Здесь можно начать всё заново.

И Лиза упрямо шагала, будто от скорости зависело то, сбудется ли это обещание.

Кафе выглядело скромно: вывеска под фонарём, стеклянная дверь, тёплый свет внутри. Но для студентов и преподавателей оно давно было местом, куда приходят не только за кофе, а за чем-то вроде привычного уюта. Даже название подходило: «*Как дома*».

Когда Лиза вошла, там был только Марк. Хозяин, высокий мужчина с вечно взъерошенными волосами и усталыми глазами, расставлял булочки по витрине. — Рано, как всегда, — сказал он, даже не удивившись.

Она кивнула, и этого хватило. Слова с утра ей были не нужны.

Через полчаса двери начали открываться одна за другой. Первые посетители приходили сонные, кто-то хмурый, кто-то с телефоном в руке. Лиза уже работала: подхватывала заказы, мгновенно запоминала каждую комбинацию.

Двойной эспрессо и круассан для профессора с поседевшими висками. Латте без сахара для мамы с коляской. Какао с маршмеллоу — для первокурсниц, которые хихикали и смотрели на неё снизу-вверх. Всё шло точно, без задержек.

Она двигалась быстро, но не суетилась. Её руки работали слаженно, как будто сама атмосфера направляла каждое движение. Лиза не улыбалась широко, не пыталась казаться приветливой, но её спокойствие успокаивало клиентов сильнее, чем любая показная радушность.

Со стороны она казалась собранной, даже немного отстранённой. И всё же к ней тянулись. Людям нравилось, что рядом с ней всё становилось предсказуемым, надёжным.

К семи утра кафе ожило. Запах кофе и свежей выпечки смешался с гулом голосов. Кто-то листал газету, кто-то быстро проглатывал тосты, студенты спорили о завтрашних лекциях. И среди этого лёгкого хаоса Лиза стояла в центре — будто дирижёр оркестра, невидимо управляющий ритмом.

Она была в своей стихии.

Когда последняя чашка была вымыта и перевернута на сушилке, Лиза сняла фартук и аккуратно повесила его на крючок. В кафе стало непривычно тихо: лампы горели мягким светом, за окнами уже сгущались сумерки, редкие прохожие спешили домой.

Марк ушёл ещё полчаса назад, оставив ей доверчивое: — Закроешь сама, Лиза. Я знаю, ты всё умеешь.

Она действительно всё умела. Но в тот момент, когда щёлкнул замок на двери и она осталась одна, уверенность вдруг куда-то ушла.

Лиза села за один из столиков — для посетителей. Села и впервые за весь день позволила себе ничего не делать. Руки дрожали от усталости. Она смотрела на них и думала: *а если однажды я не выдержу? Если рухну?*

Серебряный крестик скользнул по коже, и Лиза сжала его пальцами. Ей хотелось верить, что он способен удержать её от этого падения.

Глаза защипало. Нет, плакать она не собиралась. Но усталость навалилась, тяжёлая, как мокрое одеяло. Она впервые за день позволила себе выдохнуть.

Эта минута принадлежала ей. Минуту можно быть слабой. Минуту можно перестать держать мир на своих плечах.

А потом снова подняться, собраться, пойти в общежитие. И никто не узнает. Никто не должен.

Общежитие вечером жило другой жизнью. Днём коридоры пустовали, но с наступлением темноты оно напоминало улей: кто-то смеялся, кто-то ругался через тонкие стены, где-то хлопали двери, кто-то лупил по клавишам ноутбука так, будто это барабаны. Запах дешёвой лапши смешивался с духами, влажным бельём и лаком для волос.

Лиза сидела у стола. Лампа отбрасывала на её лицо тёплый свет, делая глаза чуть темнее. Она писала конспект по истории искусства, аккуратно подчеркивая даты. На кровати — идеально заправленное одеяло, на подоконнике — стопка книг. Её угол в этой хаотичной комнате выглядел словно чужеродный остров: тишина, порядок, собранность.

Дверь распахнулась с грохотом, будто кто-то хотел заявить о себе на весь этаж. Влетела Катя — вихрь, смех, запах сладких духов и звяканье браслетов. Рыжеватые кудри, яркий макияж, короткое платье, из-под которого выглядывали сетчатые колготки. В руках — косметичка, на плече болтался блестящий клатч.

— Лизка! — Катя закружилась посреди комнаты, как будто это её сцена. — Сегодня будет огонь! Просто жара! Я нашла вечеринку — там будут все!

Она скинула клатч на кровать, уселась прямо на край стола, чуть не заехав Лизе локтем в тетрадь.

— Смотри, как я выгляжу! Ну скажи, что я богиня!

Лиза подняла глаза. Сухо улыбнулась, потому что спорить с Катей было бессмысленно. Та всегда добивалась восторга. Даже если его не было.

— Ты красивая, — ответила она коротко.

— Красивая? — Катя закатила глаза. — Я шикарная! Сегодня я королева танцпола, детка. — Она подмигнула, поправляя помаду.

Комната словно заполнилась её смехом, движением, шумом. В сравнении с ней Лиза выглядела почти прозрачной. Но самой Лизе это не мешало. Она спокойно продолжала выводить строчку под строчкой.

— Собирайся со мной! — Катя хлопнула ладонями, как будто это был окончательный приговор. — Ты не можешь всё время сидеть с книжками. Seriously, Лиз. Нужно иногда жить.

Лиза подняла глаза и впервые за вечер отложила ручку. — Я устала. Смена была тяжёлая. И завтра рано вставать.

— Ну и что? — Катя махнула рукой. — Ты же не робот. Сколько можно? Тебе двадцать, а ведёшь себя, как пенсионерка! Учёба, работа, конспекты, крестик на шее... ты хоть раз позволишь себе расслабиться?

Лиза вздохнула. Она привыкла к Катиному напору. И всегда отвечала одинаково. — У меня завтра коллоквиум. И ещё эссе по философии надо дописать.

— Да брось! — Катя наклонилась к ней, заглядывая в лицо. — Ты же знаешь, всё это подождёт. А вот вечеринка — одна ночь, и всё! Люди будут танцевать, смеяться, знакомиться... А ты что? Опять в тетрадь уткнёшься?

Лиза посмотрела на подругу спокойно, но твёрдо. В её взгляде не было ни капли сомнения. — Катя, я не хочу.

Эти три слова прозвучали тише, чем смех за стенкой, но куда тяжелее. В них слышалась не только усталость, но и что-то большее. Как будто она и правда не просто не могла — не видела в этом смысла.

Катя отстранилась, насупилась. — Ты всегда так. Тебе как будто ничего не интересно. Я бы на твоём месте с ума сошла.

— Может, я уже сошла, — тихо сказала Лиза, возвращаясь к тетради.

Она снова взяла ручку и продолжила писать, будто разговор был окончен. Катя вздохнула, закатила глаза, но всё равно не сдавалась.

— Лизка, ну пожалуйста! Тебе нужно... я не знаю... встряхнуться! Ты же не монашка! — Она дернула подругу за рукав. — Я же твоя подруга. Хочу, чтобы ты жила, а не существовала.

Лиза остановила руку и посмотрела на неё. Долго, внимательно. И в этом взгляде было столько непроходимой тишины, что даже Катя замолчала. — А если для меня жить — это не там, где ты?

Катя нахмурилась, но потом лишь фыркнула. — Ты неисправима. Ладно, я ухожу. Но знай, что ты многое теряешь.

Она встала, снова закружилась перед зеркалом, поправила платье и помаду. Её отражение смотрело на неё дерзко и уверенно. Лиза на секунду представила себя на её месте — и тут же оттолкнула эту мысль, словно чужую.

Дверь хлопнула. Шум стих.

В комнате снова стало тихо. Только скрип пера по бумаге и далёкие голоса в коридоре. Лиза опустила голову над конспектом и снова почувствовала, как цепочка с крестиком холодит кожу на шее.

Она выбрала тишину и была в этом уверена.

Глава 2

Аудитория дышала холодом: высокие потолки, длинные ряды парт, белая доска с едва стёртыми формулами. Сквозь высокие окна падал свет.

Лиза сидела на первом ряду. Перед ней — раскрытая тетрадь, строчки аккуратные, будто напечатанные. На полях — чёткие заметки. Ручка скользила по бумаге быстро, но без лишних движений. Она почти не моргала: взгляд был прикован к доске и к фигуре преподавателя.

Профессор Мельников, седой, с жёстким голосом и привычкой постукивать пальцами по кафедре, объяснял новую тему. Он не любил повторяться, не любил, когда студенты отвлекались. В аудитории царила тишина, лишь редкий скрип ручек и его сухие формулировки разрезали воздух.

И вдруг он остановился, поднял голову и посмотрел на зал поверх очков.

— Хорошо, допустим мы имеем ряд, который стремится к бесконечности. Какова его сходимость при таком условии?

В аудитории повисла тяжёлая пауза. Кто-то кашлянул, кто-то уставился в тетрадь, делая вид, что не слышал. Профессор скользил взглядом по рядам, и тишина только сгущалась.

Лиза почувствовала, как эта пауза давит на неё. Пульс ускорился, но она знала ответ. Она знала его слишком хорошо, чтобы молчать.

— При условии положительной монотонности ряд расходится, — тихо, но отчётливо произнесла она, не поднимая головы.

Звук её голоса показался ей слишком громким, хотя прозвучал едва выше шёпота. Несколько студентов обернулись.

Профессор приподнял брови.

— Спасибо, Лиза. Как всегда, блестяще, — сухо, но с заметным одобрением сказал он.

Перемена началась шумом: стулья скрипнули, аудитория загудела голосами. Лиза вышла первой, почти бегом, и остановилась у окна в коридоре.

Она достала из сумки маленький термос и налила себе кофе в крышку-кружку. Горячий пар ударил в лицо, обжёг ресницы. Она сделала осторожный глоток, глядя в окно на серый двор университета. Люди спешили, смеялись, кто-то обнимался на ступеньках. Мир жил своим чересчур ярким движением, а она стояла как будто в стеклянном аквариуме.

Кофе был крепкий, горький. Именно такой, как ей нравилось.

Гул голосов всё ближе. Группа студентов проходила мимо, смеясь, переговариваясь. Она не хотела слушать, но слова долетели сами.

— ...да, слышал, Артём Вершинин вернулся из Лондона...

— Да ладно!

— Серьёзно. Говорят, теперь вообще звезда.

Лиза не пошевелилась. Только пальцы на кружке резко побелели, будто она держала не лёгкий пластик, а тяжёлый камень.

Взгляд застыл, стеклянный, расфокусированный. Звук голосов отодвинулся, растворился в пустоте. Мир сузился до одного имени.

Артём.

Она не позволила себе вдохнуть глубже, не позволила себе дрогнуть. Только сделала вид, что смотрит в окно, хотя глаза ничего не видели.

А потом резко отвернулась, захлопнула крышку термоса и быстрым шагом ушла прочь.

Она не могла слушать. Не могла даже позволить себе подумать об этом.

Лиза закрыла за собой дверь пустой аудитории и прислонилась к холодной стене. В коридоре всё ещё шумели голоса, но здесь было тише.

Артём Вершинин.

Имя прозвучало в голове так, будто его кто-то произнёс прямо рядом с ухом. Она зажмурилась. Но в темноте за веками это слово горело ещё ярче.

Зачем они его вспомнили? Почему именно сегодня?

Она пыталась дышать ровно, но горло сжимало. В груди копилась злость — не на тех студентов, не на слухи, а на себя. На то, что одно имя способно выбить её из равновесия, разрушить тщательно выстроенный порядок.

Она училась быть сильной. Каждый день. Вставать раньше всех, работать, конспектировать, держать лицо. Собирает себя по кусочкам. Но стоило произнести это имя — и всё рушилось.

Пальцы снова нашли цепочку, крестик на шее. Лиза сжала его так сильно, что металл впился в кожу. Ей нужно было что-то твёрдое, настоящее, чтобы удержаться.

— Это в прошлом, — шепнула она себе. — Этого больше нет.

Но слова звучали слабо, почти смешно. Потому что имя всё равно отзывалось внутри. Оно было как шрам: не болит каждый день, но стоит провести пальцами — и боль возвращается.

Лиза выпрямилась. Глубоко вдохнула. Поставила маску обратно — ровное лицо, собранный взгляд. Никто не должен заметить. Никто не должен догадаться.

Она пошла дальше по коридору, будто ничего не случилось.

Но внутри знала: от этого имени так просто не уйти.

Глава 3

Комната Кати дышала хаосом. Платье на спинке стула, блестящие кеды на столе, в углу валялись джинсы, брошенные так, будто их сняли на бегу. На полке — коробка с чипсами и три открытые палетки теней, одна из которых щедро рассыпалась на подоконник. В воздухе витал сладкий запах духов, смешанный с кофе и лаком для волос.

Лиза стояла у двери, прижав к груди тетрадь. В этом бардаке её присутствие казалось неуместным — слишком аккуратная, слишком собранная, слишком чужая.

Катя же, сияющая, как обычно, держала в руках короткое платье цвета электрик. Ткань поблёскивала, переливаясь при каждом движении. Она размахивала им, как флагом победы.

— Ну-ка, иди сюда! — Катя почти подпрыгнула, разглядывая Лизу с головы до ног. — Ты обязана это примерить.

Лиза отступила на шаг назад.

— Катя, не начинай.

— Это даже не обсуждается! — Катя подошла ближе и прижала платье к её плечам. — Вот, смотри, идеально! Я прямо вижу, как ты заходишь в зал, и все такие: «Вау, кто эта богиня?»

Лиза закатила глаза и аккуратно убрала ткань от себя.

— Я не собираюсь никуда заходить.

Катя всплеснула руками.

— Ну и зря! Лиз, ты сама себя прячешь. Вечно эти твои свитеры...

— Да перестань, ты в нём будешь смотреться огонь! — Катя рассмеялась, но в её голосе звенела серьёзность. — Хватит прятаться в своих мешковатых свитерах!

Слово ударило. «Прятаться».

Лиза на миг застыла. Её пальцы сильнее сжали тетрадь, как будто та могла защитить. Сердце болезненно кольнуло, и она почувствовала, как поднимается жар к щекам.

Катя ничего не заметила — продолжала вертеться с платьем, приставлять его то к зеркалу, то к самой себе. Для неё это была просто фраза. Но для Лизы — словно дверь в прошлое распахнулась настежь.

Она всегда пряталась. За свитерами. За книгами. За молчанием. За этим холодным «мне неинтересно». И это слово, сказанное так легко, сорвало с неё маску, которую она привыкла носить каждый день.

Прятаться.

В груди зашевелилась память — резкая, жгучая, от которой не спрячешься.

Лиза опустила взгляд, пытаясь удержать дыхание ровным. Но уже знала: её сознание уходит туда, где когда-то всё началось.

Флешбэк. Школьная раздевалка

Раздевалка блестела металлом шкафчиков с золотыми эмблемами. Серый кафель холодил подошвы, в воздухе смешались хлорка, влажные кроссовки и сладкие духи. Свет — слишком белый, как в кабинете врача.

Лиза торопливо возилась с молнией на своей старой куртке. Потёртый воротник, аккуратно заправленные волосы, папка с тетрадями под мышкой. Она старалась быть незаметной, но голос разрезал шум:

— О-о, смотрите-ка, кто тут у нас! — Артём. Шум стих, головы повернулись. — Лизка. Звезда подиума.

Смех отозвался от металла. Артём шёл неторопливо, как хозяин коридора. Форма сидела идеально. Он провёл взглядом по куртке, задержался на заевшей молнии, потом — на её лице. На секунду поймал её глаза: спокойные, тёмные, будто за стеклом. Внутри у него коротко щёлкнуло — раздражение от того, что взгляд застрял дольше, чем нужно.

— Ты в этом пришла? — он слегка коснулся ногтем бегунка молнии, не её руки — железа. — Даже не секунд. Помойка.

Кто-то прыснул. Девчонка у зеркала добавила про «уборщицу». Лиза сжала губы и дёрнула молнию сильнее. Металл ответил сухим скрипом.

Артём заметил тонкую цепочку. Крестик блеснул. Он на миг приподнял его подушечкой пальца — ровно настолько, чтобы серебро звякнуло, — и отпустил. Ему не понравилось, что она даже не вздрогнула.

— Молитвами молнию чинить будешь? — тише, почти лениво. — Или она у тебя по расписанию?

— Господь в помощь! — кто-то сзади, и снова смех.

Он наклонился ближе — не касаясь, но так, что услышал её ровное дыхание и чистый, почти больничный запах мыла и бумаги. Раздражало то, как спокойно она стояла. Ему хотелось цапнуть это спокойствие.

— Думаешь, тебя кто-то спасёт с этим? — он кивнул на крестик, голос стал ровнее, холоднее. — Себя научись спасать.

Белый кроссовок «случайно» шлёпнулся к её ногам. Рыжая сладко растянула: «Подними, будь добра». Лиза опустилась на колени — кафель вытащил из воздуха лишнее тепло. Артём поймал себя на том, что смотрит на линию её профиля, на ровность движений, и это ещё сильнее бесит. Хотелось треска — а получалась тишина.

Он поставил носок своего кроссовка на выскользнувшую из папки тетрадь. Белая страница с безупречными строками. Чуть провернул стопу — оставил серый след.

— Осторожнее, Иванова, — сказал он спокойно. — У тебя тут всё по линейке. Легко смазать.

Она подняла на него взгляд — прямо, коротко. В этом «прямо» не было ни просьбы, ни страха. Просто твёрдое «переживу». Внутри у него сбился ритм, как у метронома, по которому кто-то щёлкнул пальцем.

— Скажи «пожалуйста», — он поднял тетрадь на сантиметр. Голос опустился на полтона ниже — не ради эффекта, а потому что воздух между ними внезапно стал гуще. — И уберу.

Пауза натянулась. Шум вокруг как будто отступил к дверям.

— Пожалуйста, — произнесла Лиза ровно, без дрожи — как ставит точку в задаче.

Он убрал ногу, вернул тетрадь. Бумага отозвалась сухим шорохом. Ему хотелось сказать ещё что-то — острее, ниже, — лишь бы треснуло. Вместо этого он выпрямился, скинул взгляд до обычной ледяной ленцы.

— Вставай, — бросил он. — Не унижайся. Хотя... тебе, похоже, норм.

Смех снова плеснул по рядам. Лиза поднялась, прижала папку к груди, пальцы на секунду коснулись крестика — проверила, на месте ли, — и пошла мимо. Не ускоряясь и не опуская взгляд.

Артём смотрел ей вслед, дольше, чем следовало. Раздражение вернулось — уже на самого себя, за эту лишнюю секунду. Он сжал край металлической дверцы так, что костяшки побелели, и отпустил.

— Пошли, — сказал он своим, не оглядываясь. — Здесь скучно.

Но скука не уходила. В голове шевелилось чужое спокойствие, и от этого хотелось нажать сильнее. Только чтобы наконец услышать звук.

Возвращение в настоящее

— Лиз? — Катя всё ещё держала в руках блестящее платье, улыбка на лице дрогнула. Она не понимала, что сейчас произошло.

Лиза отшатнулась от ткани, будто та могла обжечь. Её плечи были напряжены, пальцы вцепились в край стола так, что костяшки побелели. На лице — никаких эмоций.

— Я не прячусь, — произнесла она медленно, отчеканивая каждое слово. Голос звучал глухо, но в нём не осталось мягкости. — Мне просто неинтересно.

Катя моргнула.

— Но... Лиз, я же просто хотела—

— Я сказала, — резко перебила та, не повышая голоса, но так, что в комнате стало тише.

Катя опустила платье. Недоумение мелькнуло в её глазах, но спорить она не решилась.

Лиза уже встала. Движения её были быстрыми, почти резкими.

— Я у себя, — сухо бросила она и пошла к двери.

В коридоре она остановилась на секунду, уперлась спиной в холодную стену. Внутри всё дрожало, но лицо оставалось каменным. Серебряный крестик в её пальцах был ледяным, и Лиза сжала его так, будто пыталась раздавить.

Я не прячусь.

Она повторила это про себя, как заклинание.

Я не прячусь.

Но воспоминание о коленях на кафеле и смехе за спиной резало сильнее любых слов.

Ей хотелось закричать. Но вместо этого она выпрямилась и пошла дальше — шаг за шагом, словно на стройном параде. Снаружи — собранность. Внутри — выжженная пустыня.

Она закрыла глаза, стараясь проглотить тяжесть, которая поднялась вместе с воспоминанием. Но оно уже отпечаталось на дне её мыслей.

Призрак прошлого дышал за плечом. И от него невозможно было спрятаться ни в свитере, ни в книгах, ни даже в себе.

Глава 4

Вода, горячая почти до боли, была по напряженным мышцам спины, смывая с кожи невидимую грязь прошедшего дня, но бессильная снять внутреннее напряжение, впившееся в него, как стальные клещи. Артём стоял неподвижно, опустив голову, подставив затылок упругим струям, и слушал оглушительный гул в замкнутом пространстве душевой, сделанной из черного матового стекла и полированного мрамора. Здесь, в этом белом шуме, можно было на минуту забыться. Забыть о том, что ждало за стеклянной дверью.

Он выключил воду, и внезапно наступившая тишина оглушила его сильнее, чем шум воды. Одна капля, потом вторая упали с его подбородка на пол с идеальной акустикой, и каждый звук отдавался в ушах пушечным выстрелом. Он провел рукой по лицу, сгоняя воду, и вышел, наступив босыми ногами на подогреваемый пол. Полотенце из египетского хлопка, густое и тяжелое, впитывало влагу с кожи, но не могло поглотить тяжесть, давившую на плечи.

Он не стал одеваться. Набросил на себя короткий шелковый халат темного, почти черного цвета, не завязывая его, и босыми ногами прошел по бесшумным, идеально гладким полам своего пентхауса.

Его царство. Его клетка.

Пространство было выдержано в стиле тотального минимализма, где каждая деталь, каждый предмет мебели стоили целое состояние, но при этом тщательно скрывали свою ценность за видимой простотой и аскетизмом. Ничего лишнего. Ничего, что могло бы рассказать о человеке, живущем здесь. Только холодная, безупречная красота, купленная за деньги. Стекло, сталь, полированное дерево ценных пород, кожа. Ни одной личной фотографии, ни одной безделушки, ни одной книги, поставленной не для вида. Все было стерильно, как в журнале по дизайну интерьеров, и так же бездушно.

Он подошел к главной достопримечательности квартиры — панорамному окну во всю стену. Город лежал у его ног, раскинувшись в ночной темноте, усыпанный миллионами огней, как рассыпанные по черному бархату драгоценности. Он смотрел на эту мощь, на эту красоту, и не чувствовал ничего, кроме ледяной, тошнотворной пустоты в солнечном сплетении.

Он вернулся. Вернулся из Лондона, где провел два года, отбывая очередную «ссылку» — обучение в престижной бизнес-школе. Два года тоски по дому, который ненавидел. Два года попыток убежать от самого себя в бесконечной череде вечеринок, покупок и мимолетных связей. И все ради чего? Чтобы вернуться и снова оказаться в эпицентре родительского недовольства.

Телефонный разговор с отцом сегодня утром все еще звенел в его ушах, как надоедливый комар.

«Ты слишком обнаглел, Артём. Возмнил о себе слишком много. Учеба твоя — сплошное разочарование. Результаты посредственные, поведение — как у какого-то выскочки из трущоб. Ты забываешь, кто ты и что ты должен представлять».

Голос был ровным, холодным, без единой эмоции. Именно это и было самым страшным. Не крик, не ярость, а ледяное, беспристрастное констатирование факта его никчемности. Его отец никогда не повышал голос. Он просто уничтожал тихим, методичным шепотом, точно скальпелем вырезая все остатки самоуважения.

«Ты думаешь, я не знаю, как ты там учился? Сколько раз тебя вытаскивали из скандалов? Ты — инвестиция, Артём. Дорогостоящая и пока что малоперспективная. Исправляйся».

И шелчок в трубке. Монолог закончен. Приговор вынесен.

Артём сжал кулаки, чувствуя, как по телу пробегает знакомая, сладкая и опасная дрожь ярости. Ему хотелось закричать. Разбить что-нибудь. Выпустить наружу этого зверя, кото-

рый рвался из груди, требуя разрушения. Но он лишь глубже втянул в себя воздух, заставляя мышцы расслабиться. Показывать эмоции — значит показывать слабость. А слабость в их мире была смертным грехом.

Все, что он ощущал — это пустота внутри. Громадная, зияющая черная дыра, которую не могли заполнить ни деньги, ни власть, ни внимание.

Он был королем. Королем холода. Владыкой ледяной пустыни, которую сам же и создал вокруг себя.

Его размышления прервал тихий, настойчивый звук домофона. Он вздрогнул, словно пойманный на чем-то постыдном, и медленно, нехотя подошел к панели. На экране высветились два знакомых лица.

Макс и Вадим. Его свита. Его придворные шуты.

Он нажал кнопку, отпирая входную дверь, не спрашивая, зачем они пришли. Они всегда были не прочь прийти, прикоснуться к его роскоши, пожить крохами с его стола.

Через минуту в пентхаусе раздались голоса, гулкие и неуместные в этой гробовой тишине.

— Артём! Где ты? — раздался хриплый, нарочито громкий голос Макса.

Они вошли в гостиную — два антипода, всегда следующие за ним по пятам.

Макс — высокий, широкоплечий, с лицом боксера, побывавшего не в одной драке. Его цинизм был его броней, острый, как бритва, язык — оружием. Он одевался дорого, но небрежно, словно бросая вызов условностям. В его глазах всегда читалась насмешка над всем миром, включая самого себя.

Вадим — его полная противоположность. Немного сутулый, с подобострастной улыбкой на невыразительном лице. Он был одет с иголки, костюм сидел идеально, но на нем он выглядел как мальчик, нарядившийся в папины вещи. Его главный талант — умение вовремя поддакнуть, польстить, предугадать желание сильнейшего.

— Вот где ты тусуешься, — Макс свистнул, оглядывая огромную, пустую гостиную. — Просто и со вкусом. Как склеп современного фараона. Не хватает только саркофага по центру.

Артём не обернулся. Он продолжал смотреть в окно, чувствуя их присутствие за спиной, как сквозняк.

— Что надо? — его голос прозвучал ровно, безразлично.

— Соскучились по тебе, владыка! — вступил Вадим, его голосок зазвенел подобострастной ноткой. — Два года не виделись. Ну, как ты? Как Лондон? Как... иностранки? — он хмыкнул, делая многозначительную паузу.

Артём медленно повернулся к ним. Его лицо было маской абсолютного спокойствия.

— Скучно, — произнес он односложно. — Все то же самое, только на другом языке.

— Ну, мы тут без тебя не скучали! — Макс плюхнулся на диван, закинув ноги на идеальный журнальный столик из цельного куска мрамора. Артём взглянул на его грязные ботинки на белоснежной обивке, но не сделал замечания. Пусть пасется. — В субботу будет обалденная тусовка на яхте у Стриженова. Он как раз новую купил, сорокаметровую монстру. Будет полно моделей, шампанского рекой. Ты должен там быть.

— Посмотрим, — отрезал Артём.

— А помнишь Катю из параллельного потока? — подхватил Вадим, садясь на край кресла, как робкий проситель. — Ту, что всегда к тебе липла? Так вышла замуж за какого-то олигарха-старпёра. Думала, на деньгах купаться будет, а он на прошлой неделе обанкротился. Полный аут! Теперь она обратно на панель, наверное, пойдет. Смешно же!

Он захихикал, ожидая ответной реакции.

Артём молча прошел к бару, налил себе виски, не предлагая им. Сделал глоток.

— Жалко, — произнес он без тени сожаления.

Наступила неловкая пауза. Макс и Вадим переглянулись. Они привыкли к его холодности, но сегодня он был особенно далек и неприступен. Как будто он был не здесь, а где-то очень далеко, за толстым слоем бронированного стекла.

Вадим, всегда стремившийся быть полезным, сделать приятное, решил взять инициативу в свои руки. Он встал и подобострастно приблизился к бару.

— Артём, а я слышал, ты тот контракт с немцами закрыл? Отец, наверное, доволен? — он силился сделать восторженное лицо. — Это же просто гениально! Такая сложная сделка, а ты его влет провернул! Наш гений! Мы тут все только и говорим, как тебе удастся всегда быть на высоте!

Лесть была густой, неприкрытой, липкой, как патока. Она должна была польстить, развеять мрачное настроение.

Артём медленно повернул к нему голову. Его глаза, холодные и пустые, уставились на Вадима, словно рассматривали странное насекомое.

— Ты откуда это знаешь? — спросил он тихим, опасным голосом.

Вадим смутился, почувствовав подвох.

— Ну... я... мне Макс сказал... — он замялся.

— Макс у меня ничего не говорил, — парировал Артём, не отводя взгляда. — Контракт закрыт, но информация закрытая. Еще не анонсировалась. Интересно, откуда у тебя такие детали? Или ты уже моего отца в доверенные лица записал?

Его слова были тихими, острыми, как лезвие, и так же больно резали. В них не было злости, лишь холодная, убийственная констатация факта. Факта того, что Вадим — никто. Ничтожество, которое позволяет себе говорить о вещах, его не касающихся.

Вадим побледнел. Его рот беспомощно открылся и закрылся. Он искал слов, оправданий, но нашел лишь ледяную пустоту в глазах Артёма.

— Я... я просто... я услышал краем уха... — пробормотал он, отступая на шаг.

— Краем уха следует слушать музыку, Вадим, — Артём медленно выпрямился во весь рост, и его фигура вдруг показалась огромной и угрожающей. — А не чужие разговоры. Это дурная привычка. Убирай ее, пока не стало поздно.

Он не повысил голос. Не сделал ни одного угрожающего жеста. Но от его спокойного, мертвенного тона по коже побежали мурашки.

Вадим полностью смолк, опустив голову, как провинившийся школьник. Его попытка польстить обернулась унижительным провалом.

Макс, наблюдавший за сценой, тихо усмехнулся. Он не вступился за Вадима. Он наслаждался зрелищем. Для него это было так же естественно, как смена времен года — Артём доминировал, все остальные подчинялись.

Артём отвернулся от них, снова демонстративно показав спину, и сделал еще один глоток виски. Инцидент был исчерпан. Наказание совершено. Порядок восстановлен.

Становилось ясно: Артём всегда главный. Он — ось, вокруг которой вращается их маленький мирок. Он — источник их благ, их статуса, их развлечений. И он всегда держал их на расстоянии вытянутой руки, как и всех остальных. Позволяя приблизиться, но никогда — войти внутрь. Позволяя греться в лучах его славы, но всегда напоминая, кто здесь солнце, а кто — всего лишь спутники, отражающие его свет.

Он смотрел на город, на его бесконечные огни, и чувствовал, как холод внутри него стужается, становится плотнее, тверже. Он был королем. Королем холода, одиночества и тоски. И его трон стоял на вершине этого стеклянного небоскреба, самого высокого и самого одинокого места во всем городе.

Друзья, если вам близка эта история — не забудьте подписаться на роман и поставить #. Ваша поддержка помогает ему подниматься в рейтинге и даёт мне силы писать дальше!

Глава 5

Тишина в пентхаусе была иной, чем на улицах в пять утра. Не живой, наполненной потенцией и ожиданием, а мертвой, гулкой, дорогой. Ее покупали за огромные деньги, звукоизолируя стены, окна, двери, отсекая шум мегаполиса, как хирург отсекает пораженный орган. Здесь не было слышно ни гула машин, ни далеких гудков, ни даже ветра, бьющегося в стекла. Только абсолютная, давящая тишина, в которой собственное сердцебиение отдавалось глухими ударами в висках.

Артём стоял у панорамного окна, вглядываясь в ночной город, раскинувшийся у его ног. Огни небоскребов, светящиеся нити магистралей, тусклое сияние рекламных билбордов — все это казалось ему гигантской, сложной схемой, печатной платой, в которой он был всего лишь крошечным, пусть и дорогим, чипом. Важным, но заменяемым.

В руке он сжимал тяжелый хрустальный стакан. Ледяные кубики тихо звенели, касаясь стенок, отдаваясь едва слышным хрустальным перезвоном.

Его взгляд скользил по огням, но не видел их. Он был обращен внутрь, в тот самый холодный, пустой чердак собственной души, который он так тщательно скрывал от всех. Он поднес стакан к губам, сделал глоток. Алкоголь обжег горло, но не согрел внутренний холод.

И в этот момент тишину разорвал резкий, вибрирующий звук. Артём вздрогнул, словно его ударили током. Его плечи непроизвольно сжались, спина выпрямилась. Он медленно, почти нехотя повернул голову к барной стойке, где на полированной поверхности черного мрамора лежал его смартфон.

На экране горело одно слово: «Отец».

Кровь отхлынула от лица, оставив после себя легкую, мертвенную бледность. Он сделал еще один, более глубокий глоток виски, словно пытаясь найти в нем силы для предстоящего разговора. Потом медленно, с видимым усилием пересек огромную гостиную, его босые ноги бесшумно ступали по идеальному паркету цвета венге.

Он взял трубку. Палец замер над кнопкой ответа на секунду, будто давая себе последний шанс перед прыжком в ледяную воду.

— Отец, — его голос прозвучал ровно, почтительно, вышколенно. Идеальная маска сына, делового партнера, наследника. На его лице при этом не было ни тени уважения — лишь напряженная, каменная маска, на которой читалась лишь готовность к обороне.

Он приложил телефон к уху и снова отошел к окну, повернувшись спиной к комнате, как будто мог таким образом отгородиться от голоса в трубке.

Пауза. Он молча слушал, и по его лицу пробежала тень. Легкое подрагивание скулы. Пальцы, сжимающие стакан, побелели.

— Да, я все сделал, — произнес он, его голос все еще оставался ровным, формальным. — Документы подписаны. Отправлены курьером в офис. Должны быть у тебя на столе к утру.

Снова пауза. Более длинная. Голос в трубке стал громче, резче. Даже не разбирая слов, можно было уловить его тембр — низкий, властный, пронизанный стальными нотками недоверия и раздражения.

Артём поморщился, будто от физической боли.

— Нет, не так, — его собственный голос потерял часть своей гладкости, в нем появились первые, едва уловимые зазубрины. — Я проследил лично. Все по инструкции.

Голос в трубке зазвучал еще громче. Артём непроизвольно отодвинул телефон от уха на сантиметр. Его взгляд, уставленный в ночное стекло, стал остекленевшим. Он видел в нем свое собственное отражение — бледное, искаженное подавленной яростью.

— Я знаю... — он проговорил сквозь зубы. Слова давались ему с усилием. — Я знаю, что это важно. Не нужно мне это объяснять.

Казалось, он пытается вставить в эти два слова всю свою волю, все свое право на самостоятельность. Но голос на том конце провода неумолимо продолжал давить. Это был монолог с элементами допроса. Придирки, уточнения, критика уже принятых решений.

Артём замер. Его дыхание стало чуть более частым, ноздри слегка расширились. Он слушал еще минуту, и его лицо постепенно менялось. Исчезала последняя тень почтительности. Стиралась маска идеального сына. Из-под нее проступало нечто иное — голое, сырое, животное.

— Слушай... — его голос сорвался на низкую, опасную ноту. — Я сказал, я все сделал. Как ты и требовал. До буквы.

Но голос в трубке не унимался. Он достиг своего крещендо — язвительного, уничижительного замечания о его компетенции. О том, что он, Артём, без указаний отца не способен даже на самую простую задачу.

И вот она, та самая фраза. Та самая, что переполнила чашу. Та, что сорвала последний предохранитель.

Тишина в пентхаусе взорвалась.

— ХВАТИТ МНЕ УКАЗЫВАТЬ!

Его крик был оглушительным. Диким, надрывным, полным такой накопленной, выстраданной ярости, что, казалось, задрожали хрустальные подвески люстры. Звук рвался из самой глубины его гортани, из самой черной ямы его существа.

— Я НЕ ТВОЙ ПОДЧИНЕННЫЙ! — проревел он, и его лицо исказилось до неузнаваемости. Исчез холодный аристократизм, исчезла надменная маска. Осталась лишь голая, почти детская ярость и беспомощность. Лицо разгневанного, затравленного мальчишки, которого в очередной раз унизили, прижали к стене, показали его место.

Он не слышал, что ему ответили. Адреналин затуманил сознание. Он с силой швырнул телефон через всю комнату. Тот пролетел по дуге, черной молнией мелькнув в свете люстры, и приземлился на мягкий кремовый диван, бесшумно утонув в его бархатной обивке.

Тишина вернулась. Глубокая, оглушительная, повисающая в воздухе тяжелым, давящим покрывалом.

Артём стоял, тяжело дыша. Его грудь вздымалась, плечи были напряжены до предела. Он смотрел в свое отражение в окне — на незнакомца с бешеными глазами и перекошенным от злобы ртом.

Идеальная маска слетела. Окончательно и бесповоротно. То, что предстало взгляду, было его истинной натурой. Не холодным, расчетливым манипулятором, а взрывным, неуравновешенным, почти истеричным существом, запертым в золотой клетке собственного благополучия.

Его взгляд упал на стакан, все еще зажатый в его руке. Тяжелый, граненый хрусталь, холодный и совершенный.

Безмолвный крик застрял у него в горле. Вся его ярость, все бессилие, вся ненависть — к отцу, к себе, ко всей этой жизни-ловушке — хлынули в одну точку. В руку, сжимающую стакан.

Он сжал его. Со всей силы. Со всей ярости, что klokотала в нем.

Мышцы на его предплечье вздулись буграми. Сухожилия натянулись, как струны. Послышался тихий, тревожный хруст.

Прочный, дорогой хрусталь затрещал. На его идеально отполированной поверхности появилась паутинка тончайших трещин. Еще мгновение — и он разлетелся бы на осколки, впиваясь острыми гранями в ладонь.

Но в последнее мгновение сила воли, вышколенная годами, взяла верх над слепой яростью. Его пальцы разжались.

Он тяжело дышал, глядя на стакан. Трещины расходились по нему, как молнии, искажая отражение комнаты. Это был идеальный символ его собственной жизни — внешне без-

упречный, дорогой, идеальный, но готовый рассыпаться от одного неверного движения, одной вспышки неконтролируемой эмоции.

Он медленно, почти бережно поставил покалеченный стакан на барную стойку. Звук, который он издал, касаясь мрамора, был глухим, предательским.

Он посмотрел на свою руку. Она мелко дрожала. От ярости. От унижения. От страха перед самим собой.

Это был первый признак. Первая трещина в образе непобедимого, холодного бога. Первое проявление его истинной, неуправляемой, опасной натуры. Натуры, которую он тщательно скрывал ото всех, включая самого себя.

И он понял, что ему срочно нужно найти выход для этой ярости. Найти того, на ком можно будет сорвать всю эту накопленную злобу. Того, кто будет слабее. Того, кто не сможет дать сдачи.

Глава 6

Бас бил в грудь, как удары кувалды по наковальне души. Ритм был примитивным, навязчивым, оглушающим сознание, вышибающим последние мысли. Сотни тел, слипшихся в единый, пульсирующий организм, метались в полумраке, подсвеченные ядовитыми вспышками стробоскопов. Воздух был густым и липким, пропитанным парфюмами, дорогим табаком, потом и сладковатым запахом разгоряченных тел.

Это был один из тех клубов, куда невозможно было просто так попасть. Место, где статус измерялся не деньгами — их здесь было у всех предостаточно — а правильными связями, нужной фамилией, темой для разговора с привратником, который смотрел на мир сквозь толстые стекла своих солнцезащитных очков с холодным, всевидящим безразличием.

Артём Вершинин стоял у массивной барной стойки из полированного черного дерева, отгороженный от безумия танцпола невидимой, но непреодолимой стеной. В руке он лениво вращал бокал, наблюдая, как по стенкам струится золотистый виски, оставляя маслянистые «ножки». Он был окружен людьми. Смеющимися, жестикулирующими, что-то кричащими друг другу на ухо через грохот музыки. Его люди. Его стая.

Макс, его тень и главный насмешник, что-то рассказывал, широко размахивая руками, явно изображая кого-то из профессуры. Вадим, вечный подхалим, заливался подобострастным смехом, даже не дослушав до конца. Девушки вокруг смотрели на Артёма томными, заинтересованными взглядами, ловя каждый его жест, каждый намек на улыбку.

Но он был отстранен. Его тело было здесь, в этом душном, грохочущем сердце ночной жизни, но сознание витало где-то далеко. Он кивал в такт музыке, иногда подносил бокал к губам, делал вид, что слушает рассказ Макса. Но его взгляд был пустым, остекленевшим. Он смотрел сквозь толпу, сквозь стены, в какую-то точку в никуда, где было тихо и где не нужно было изображать ту версию себя, которую от него все ждали.

Ему было скучно. Смертельно, до тошноты скучно. Все это он уже видел тысячу раз. Те же лица, те же ужимки, те же наигранные смехи, те же попытки казаться круче, богаче, значимее. Это был бесконечный, порочный круг, в котором он вращался, как белка в колесе, и с каждым витком ощущение пустоты внутри становилось все невыносимее.

И тут к нему прилипла она.

Сладковатый, удушающий аромат дорогих духов, знакомый до тошноты. Резкое движение, и чье-то тело намертво прижалось к его боку. Холодные, тонкие пальцы вцепились в его предплечье с страстью, не допускающей возражений.

— Артёмчик, ты чего такой грустный? — просипел над самым его ухом голос, нарочито томный и детский. — Все на тебя смотрят, а ты тут один, как будто тебе тут не нравится.

Алина. Дочь одного из партнеров его отца. Само воплощение наглой, избалованной девчонки, которая считала, что весь мир, и он в частности, создан для ее услады. Она запрокинула голову, глядя на него снизу вверх томным, обещающим взглядом. Ее платье — крошечный черный лоскут ткани, стоивший как годовая стипендия Лизы, — оставляло мало для воображения.

— Я не грустный, — отстраненно ответил он, даже не глядя на нее. Его взгляд продолжал блуждать по клубу. — Мне просто скучно.

— Со мной тебе не должно быть скучно! — она надула губки, делая обиженное лицо куклы Барби, и прижалась еще сильнее. — Пойдем танцевать! Или поедем ко мне? У папы как раз никого нет дома.

В ее голосе звучала уверенность. Уверенность в том, что он не может ей отказать. Что она — его девушка по умолчанию, самый лучший вариант из доступных, и он должен быть счастлив, что она вообще удостоила его своим вниманием.

Артём медленно, с едва заметным усилием, высвободил свою руку из ее цепких пальцев. Его движение было вежливым, но в нем чувствовалась такая ледяная холодность, что Алина на мгновение замерла, ее наигранная томность сменилась недоумением.

— Нет, Алина, — произнес он ровным, безразличным тоном, наконец опустив на нее свой пустой взгляд. — Я никуда не пойду. И тебе советую найти кого-то другого для развлечения. Мне сегодня не до этого.

Он отстранился, вежливо, но непреодолимо. Как отстраняются от надоедливой мухи. В его глазах не было ни злости, ни интереса. Была лишь скука.

Ее кукольное личико искажила обида. Быстро промелькнувшая злость. Она привыкла, что все ее желания исполняются по щелчку пальцев. А он... он всегда был непредсказуем. Как льдина, о которую разбиваются все ее попытки приблизиться.

— Ну и отлично! — фыркнула она, уже без тени томности, ее голос стал резким и колющим. — Сиди тут со своим скучным виски! Я найду, с кем повеселиться!

Она крутанулась на каблуках и уплыла в толпу, уже высматривая новую жертву для своего внимания.

Артём проводил ее взглядом без всяких эмоций и снова уткнулся в свой бокал. Отлипла. На время. Он знал, что это ненадолго. Она вернется. Они всегда возвращались.

Он почувствовал острое желание оказаться где угодно, только не здесь. Одиночество в своей пустой, роскошной квартире казалось сейчас куда привлекательнее этой фальшивой, шумной тусовки.

Он достал из кармана дорогой, ультратонкий смартфон. Хромовый корпус холодно блестел в отблесках неоновых светов. Бегство в цифровую реальность было еще одним способом убить время, отгородиться от окружающих. Он бесцельно листал ленту новостей. Посты о новых покупках знакомых, селфи с яхт, реклама брендов, которые он и так носил... Все было таким же пустым и предсказуемым, как и его окружение.

И тут его палец замер.

Лента выдала ему пост от человека, которого он не видел и о котором не вспоминал лет пять. Одноклассник. Не друг, не враг — просто один из многих фоновых персонажей его школьной жизни. Пост был подписан: «Случайно наткнулись в городе, подняли старые воспоминания! Классно посидели!»

Подписан был несколькими восклицательными знаками и смайликами. Фальшивый восторг, которым люди привыкли сопровождать любую свою социальную активность в сети.

Артём уже было хотел пролистать дальше, его палец привычным движением потянулся вверх, но взгляд зацепился за фотографию. Групповое селфи. Несколько человек, улыбающихся в камеру, поднятые бокалы с пивом. Обычная, заурядная встреча бывших одноклассников где-то в простом, недорогом баре.

Он хмыкнул про себя с презрением. Эти люди застряли в прошлом, потому что их настоящее было таким же серым и невыразительным, как и юность.

Он уже было собрался закрыть приложение, но что-то заставило его остановиться. Какое-то смутное, необъяснимое чувство. Он увеличил фотографию. Качество было средним, свет на заднем плане размывал лица.

И тогда он увидел. Не на переднем плане, не среди улыбающихся и кривляющихся в камеру бывших одноклассников.

На заднем плане, у стойки того самого бара, сидела она.

Камера сфокусировалась на переднем плане, поэтому ее фигура была немного размыта, будто призрак, случайно попавший в кадр. Она сидела на высоком барном стуле, полуобороченная к фотографу. В руке она держала простой стакан с какой-то бесцветной жидкостью — скорее всего, вода. Она не смотрела в камеру. Не участвовала в общем веселье.

Она смотрела куда-то в сторону, и ее лицо...

Ее лицо было спокойным. И задумчивым. Не было и тени той напряженности, того вечного испуга загнанного зверька, который он помнил по школе. Не было и фальшивой улыбки для камеры. Она просто сидела и смотрела в окно или в пространство перед собой, погруженная в свои мысли.

Ее волосы были убраны в простой хвост, на ней была какая-то невзрачная серая кофта. Она была такой же серой мышкой, как и раньше. Но в этой серости, в этой тихой отстраненности было что-то... новое. Какое-то странное, непоколебимое достоинство. Умиротворение. Она не пыталась казаться своей в этой компании. Она была сама по себе. Островок тишины в шумном баре.

Артём перестал дышать. Грохот музыки, смех, голоса — все это отступило, превратилось в глухой, невнятный гул где-то далеко-далеко. Весь его мир сузился до экрана смартфона, до этого размытого лица на заднем плане.

Он вглядывался в каждый пиксель, в каждый неясный контур. Что она могла думать? О чем она могла так задумчиво размышлять? Почему она была одна? Почему она выглядела так... спокойно? После всего, что было. После всего, что он сделал.

Он ожидал увидеть жалкую, затравленную, сломленную существую. Ту, что должна была прятаться по углам, бояться собственной тени. А он видел... почти умиротворение. Смирненное принятие своей участи? Или что-то иное?

— Ну и что ты там уставился, как будто код от швейцарского банка увидел? — над самым его ухом прозвучал хриплый голос, и чье-то тяжелое, пьяное дыхание обожгло его щеку.

Макс, наклонившись, заглядывал ему через плечо, пытаясь разглядеть экран. От него пахло дорогим виски и сигарами.

— Кого это ты рассматриваешь так пристально? — Макс прищурился, всматриваясь в мелкое изображение. Его взгляд скользнул по улыбающимся лицам, и он фыркнул. — О, это же наши бывшие одноклассники! Ноунеймы справляют ноунеймовую вечеринку. Трогательно.

Артём не ответил. Он даже не пошевелился. Он продолжал смотреть на одно единственное лицо на фотографии.

Макс, не дождавшись ответа, присмотрелся внимательнее. Его взгляд наконец-то выхватил ту же деталь, что и Артём. Он медленно выпрямился, и на его лице расплылась удивленная, а потом ехидная ухмылка.

— О-о... — протянул он с притворным изумлением. — Не может быть. Это же... Иванова? Seriously, Артём? *Та самая* Иванова? Серая мышь, заучка, которую мы... — он запнулся, но многозначительная пауза сказала сама за себя.

Он громко рассмеялся, хлопнув Артёма по плечу.

— Бро, ты чего? У тебя что, крыша поехала? Ты на эту... на эту никчемность пялишься? Что ты в этой засохшей моли нашел? Нашлось столько первосортного мяса, — он кивнул на танцпол, где крутились полуобнаженные девушки, — а ты глаз положил на ту, что кофе на раздаче в столовой, наверное, разливает? Да ты спятил!

Он ждал, что Артём либо смутится, либо рассмеется вместе с ним, либо отбрит его своим обычным циничным замечанием.

Но Артём ничего не сказал. Он просто поднял на Макса свой взгляд. И в этом взгляде не было ни смущения, ни смеха.

Там был холодный, пристальный, нездоровый интерес. Интерес хищника, который учуял незнакомый, странный запах и уже не мог отвлечься. Интерес коллекционера, нашедшего неопознанный, невзрачный на первый взгляд экспонат, который почему-то показался ему ценнее всех остальных.

Он не видел больше ни Макса, ни клуба, ни толпы. Он видел только ее. Тихую, спокойную, недостижимую в своем маленьком, скучном мире. Мире, в котором не было ему места.

Он снова опустил глаза на экран, увеличивая изображение еще больше, пока оно не превратилось в размытый пиксельный квадрат.

— Отстань, Макс, — прозвучал его голос, тихий, но с таким ледяным металлом в тембре, что улыбка на лице приятеля мгновенно исчезла. — Это не твое дело.

Макс отступил на шаг, подняв руки в защитном жесте, но на его лице застыло недоумение и легкая опаска. Он понял, что задел какую-то неизвестную, глубоко запрятанную струну.

Артём не обращал на него больше внимания. Он выключил экран и сунул телефон в карман. Но образ уже впечатался в его сетчатку. Спокойное, задумчивое лицо. Зеленые глаза, смотрящие в никуда.

Она не боялась его. Она его даже не помнила. Она просто жила своей жалкой, ничтожной жизнью, и в этой жизни для него не было места. Он был для нее призраком прошлого, в то время как для него она вдруг стала навязчивой идеей настоящего.

Игра, которую он считал давно законченной, только что получила новое, неожиданное продолжение. И в его глазах, холодных и расчетливых, вспыхнул тот самый нездоровый, хищный интерес. Интерес охотника, который решил, что дичь, считавшаяся давно пойманной и забытой, внезапно оказалась на свободе. И ее нужно было поймать снова. Но на этот раз — уже по-настоящему.

Глава 7

Вечер в кафе «Как дома» был особым временем. Если утро принадлежало спешащим, озабоченным деловым людям и студентам, жаждущим кофеиновой подзарядки, то вечером сюда приходили другие. Те, кто искал не бодрости, а уюта и покоя.

Янтарный свет ламп отбрасывал теплые круги на столики из темного дерева. В воздухе витал густой, сложный коктейль из ароматов: горьковатый шлейф только что смолотых зерен, сладковатый дух ванили и корицы, пряный запах свежей выпечки, доносившийся из духовки. Под низкий, ненавязчивый аккомпанемент джаза сливались приглушенные голоса, смех, тихий скрежет ложек о керамику, всплески пара из кофемашины.

Это был своего рода ритуал — переход от суеты дня к вечерней рефлексии. И Лиза чувствовала себя не просто бариста, а жрицей этого маленького храма спокойствия. Ее движения за стойкой были отточены до автоматизма, но в них не было механистичности. Она двигалась плавно с почти медитативной грацией. Она входила в резонанс с ритмом кафе, предугадывая желания клиентов, успевая одновременно взбивать молоко, кивать что-то официантке и улыбаться постоянному посетителю, протягивающему пустую чашку.

Ей нравилась эта вечерняя смена. Здесь не было места утренней панике. Здесь царила размеренность. Она могла позволить себе замедлиться, насладиться процессом, наблюдать за людьми. Пара в углу, делящаяся кусочком чизкейка и тихими признаниями. Пожилой мужчина с книгой, который приходил каждый четверг и всегда заказывал один и тот же травяной чай. Компания студентов, шумно обсуждающая проект.

Это был ее мир. Предсказуемый, безопасный, защищенный от вторжений. Здесь она была не Лиза Иванова, бывшая жертва школьной травли, а просто Лиза. Та, что готовит лучший капучино в округе. Та, что всегда выслушает и улыбнется. Та, что знает всех по именам и помнит их заказы.

Она как раз вытирала начисто блестящую поверхность стойки, чувствуя под тряпкой тепло металла, когда дверь со звоном открылась, впуская порцию прохладного вечернего воздуха.

И весь ее уютный, налаженный мирок вдруг содрогнулся, словно от внезапного толчка под землей.

Она не увидела его сразу. Сначала просто почувствовала. Резкую смену атмосферного давления. Трещину в уютной ауре кафе. Несколько человек у входа обернулись, и в их взглядах мелькнуло нечто — любопытство, признание, легкая робость.

Потом до нее донесся звук. Не тот, что издают обычные люди, входящие с улицы. Не глухой топот сапог, не шарканье подошв. Это был четкий, уверенный, почти металлический стук каблучков по деревянному полу. Лиза медленно подняла голову. И время замерло.

Он стоял на пороге, и казалось, что он не просто вошел в кафе, а материализовался здесь из другой реальности. Он был инородным телом, метеоритом, упавшим в теплый, спокойный пруд.

Артём Вершинин.

Он выглядел так, будто случайно зашел в чужую галактику и с легким недоумением изучал местную фауну. Его пальто, темное, идеально сидящее по фигуре, стояло, вероятно, больше, чем вся месячная выручка кафе. Дорогие часы на запястье холодно поблескивали в мягком свете. Его осанка, его взгляд, сама аура неприступного превосходства — все кричало о том, что он здесь ошибся. Что его место — в модных лаунж-барах с панорамными видами, а не в этой тесной, пусть и уютной, «забегаловке».

Его глаза, холодные и пронзительные, медленно обвели зал, скользнули по лицам удивленных посетителей, по полкам с книгами, по меню, написанному мелом на старой школьной

доске. В его взгляде читалась не критика, а что-то более глубокое — полное, абсолютное отсутствие интереса. Безразличие инопланетянина к обычаям аборигенов.

И затем этот взгляд нашел ее.

Лиза застыла с тряпкой в руке, чувствуя, как кровь отливает от лица, а потом приливает обратно, обжигая щеки. Ее сердце, всего секунду назад спокойно и ровно бившееся в такт джазовой мелодии, вдруг сорвалось с ритма и заколотилось где-то в горле, дико и беспорядочно. В ушах зазвенела тишина, заглушая все остальные звуки.

Их взгляды встретились. Всего на миг. Но в этом мгновении промелькнули годы. Унижения в школьной раздевалке. Смех одноклассников. Ее собственные слезы, которые она давила в себе, загоняя все глубже и глубже. Его холодное, надменное лицо, смотрящее на нее сверху вниз.

Он не улыбнулся. Не подал и виду, что узнал ее. В его глазах не вспыхнуло ни удивления, ни злорадства. Было лишь легкое, почти незаметное удовлетворение охотника, нашедшего свою дичь. Он медленно, не спеша, направился к стойке.

Каждый его шаг отдавался в ее висках глухим ударом. Мир сузился до узкого коридора между ним и ею. Она видела, как клиенты невольно расступаются, пропуская его. Видела, как девушка за соседним столиком незаметно поправила волосы, почувствовав его приближение.

Он подошел к стойке и остановился напротив нее. От него пахло морозным воздухом, дорогим кожаным ремнем и чем-то еще — резким, тревожным, чужим. Дорогим мужским парфюмом, который резал ноздри после сладковатых запахов кафе.

Лиза сделала неглубокий вдох, заставляя себя опустить тряпку и выпрямиться. Годы тренировок, годы выстроенного самоконтроля сработали как щит. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Она посмотрела на него пустым, профессиональным взглядом, каким смотрела на всех незнакомых клиентов.

— Добрый вечер. Что для вас? — ее голос прозвучал ровно, чуть глуховато. Она сама удивилась его спокойствию.

Артём не ответил сразу. Он медленно снял перчатки из тончайшей кожи, положил их на стойку и еще раз окинул ее тем пронзительным, изучающим взглядом, который, казалось, видел ее насквозь, видел всю ее дешевую униформу, усталость и тот животный страх, что скребся когтями где-то глубоко внутри.

— Меню у вас более чем скромное, — произнес он наконец. Его голос был низким, бархатным, но в нем слышались стальные нотки. — Видимо, рассчитываете на неискушенную публику.

Он позволил паузе повиснуть в воздухе, давая ей понять, что ждет ответа. Унижение началось уже сейчас, с этой фразы, брошенной свысока.

— У нас классический набор кофейных напитков и авторские рецепты, — ответила Лиза, глядя ему прямо в переносицу. — Все указано на доске.

Он лениво скользнул взглядом по меню, словно делая одолжение.

— Ладно. Сделайте мне эспresso. Двойной. Но смотрите — только из свежемолотых зерен арабики, не ниже 80 баллов. Температура воды ровно 92 градуса. В прогретую чашку. И чтобы крема (*прим.: крема — это тонкий слой пены на эспresso, образующийся в результате прохождения воды под давлением через кофейную таблетку*) была плотной, однородной, цвета лесного ореха. Без единой светлой пятнышки. Вы поняли?

Он выложил это не как просьбу, а как техническое задание. Как приказ. В его тоне сквозила уверенность, что здесь вряд ли знают, что такое «крема» и какого она должна быть цвета.

Лиза молча кивнула. Внутри у нее все закипало. Он знал, что она все поняла. Он специально давал заказ с таким количеством параметров, чтобы подчеркнуть пропасть между ними. Между тем, кто пьет кофе как искусство, и теми, кто его просто «разливает».

Она развернулась к кофемашине. Руки сами делали свое дело — меряли порцию, мололи зерна, прессовали таблетку, включали воду. Но ее сознание было отделено от тела. Оно витало где-то под потолком, наблюдая за этой сценой со стороны. Она видела свою спину, напряженные плечи. Видела его — неприступного, холодного, наблюдающего за каждым ее движением с легкой усмешкой.

Она сделала все именно так, как он просил. Даже лучше. Крема легла ровным, густым, темно-золотистым слоем. Она поставила идеальную чашку эспresso на блюдце перед ним.

— Пожалуйста.

Он не спеша взял чашку, поднес к носу, вдохнул аромат. Его лицо осталось бесстрастным. Потом он сделал маленький глоток.

И вот тогда на его лице появилась первая эмоция. Легкая, почти театральная гримаса безразличия. Он медленно поставил чашку на блюдце, словно это была не керамика, а нечто неприятное на ощупь.

В кафе за столом кто-то громко смеялся, но смех тут же стих. Музыка продолжала играть, но теперь она звучала фоном к нарастающей тишине. Все замерли, чувствуя надвигающуюся бурю. Даже Марк, пересчитывавший выручку у кассы, замер и поднял голову.

Артём поднял на Лизу свой ледяной взгляд. Его голос прозвучал негромко, но так четко и ясно, что каждое слово упало, как отточенная стальная игла.

— Это даже отдаленно не похоже на эспresso.

Он сделал паузу, давая словам достичь цели. Лиза стояла не двигаясь, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

— У напитка абсолютно плоский, выжженный вкус. — он говорил спокойно, вежливо, но каждая фраза была ударом хлыста. — Чувствуется, что машину чистят реже, чем следует. Или плохо споласкивают. Вы что, чашку с мылом мыли? Отдает самым дешевым мыльным раствором.

Он поморщился, отодвигая от себя чашку, как отодвигают нечто испортившееся.

— Это невозможно пить. Переделайте. И на этот раз постарайтесь не превратить его в помой.

В кафе воцарилась гробовая тишина. Слышно было, как на кухне шипит пар из котлы. Все смотрели то на него, то на нее. Унизительно-вежливый тон делал его слова в тысячу раз обиднее, чем если бы он просто накричал. Он не просто жаловался на кофе. Он уничтожал ее профессионализм. Ее достоинство. Ее островок безопасности.

Лиза чувствовала, как по ее лицу расползается жгучий румянец стыда. Глаза сами собой наполнялись предательской влагой. Ей хотелось провалиться сквозь землю. Или схватить эту чашку и швырнуть ему в лицо вместе с кипящей жидкостью.

Но годы тренировок взяли свое. Годы, когда она училась не показывать вида, когда боль и обиду нужно было глотать, замыкаться в себе и просто переживать, переживать, переживать.

Ее лицо стало каменным. Абсолютно бесстрастным. Она не опустила глаз, не попыталась оправдаться. Она просто молча, чуть кивнув, взяла чашку с блюдцем.

— Конечно. Приношу свои извинения, — ее голос прозвучал ровно, механически. — Сделаю новый.

Она развернулась к кофемашине. Внутри нее все кипело и бурлило. Унижение, ярость, беспомощность — все смешалось в один клочковатый ком. Она чувствовала на себе его взгляд, чувствовала взгляды всех присутствующих.

Но ее руки не дрожали. Они делали свою работу — споласкивали портафильтер, засыпали новую порцию кофе, снова включали воду. Она была как робот, запрограммированный на безупречность.

Он выстрелил. Сделал свой первый выстрел. И попал точно в цель,но она не упала. Она даже не дрогнула. Она просто молча, с каменным лицом, готовила ему новый кофе, заливая рану кипящим гневом где-то глубоко внутри, где его никто не видел.

И это бесило его больше, чем любая истерика. Он ждал слома. А получил ледяную, непроницаемую стену. Игра только начиналась, и первый кон оказался за ней. Она этого не знала. Но он — уже понял.

Глава 8

Дверь кафе «Как дома» захлопнулась за его спиной с тихим, но окончательным щелчком, словно захлопнулась крышка гроба. Артём замер на секунду на тротуаре, впуская в легкие холодный осенний воздух, пахнувший прелыми листьями и выхлопными газами. Он был резок, груб, ничего общего с тем теплым, густым, обволакивающим воздухом внутри, который пах счастьем, покоем и... ею.

Он сжал кулаки, ощущая, как адреналин все еще пульсирует в висках короткими, ядовитыми ударами. Унизить ее было слишком просто. Слишком предсказуемо. Он ожидал всплеска, сопротивления, огня в этих странных, слишком больших глазах цвета зелени. Но получил лишь ледяное, абсолютное спокойствие. Каменную стену. Это бесило его еще сильнее, чем любая истерика. Он пнул ногой мокрый асфальт, и мелкая грязная брызги полетели в сторону водосточного желоба.

— Артём?

Голос прозвучал как назойливый комариный писк, врезавшийся в его сознание. Он медленно, с некоторым усилием повернул голову.

У обочины, облокотившись на ярко-красный спортивный автомобиль, стояла Алина. Она была воплощением дорогой, вылизанной картинки из глянцевого журнала: идеальные каштановые волны, ниспадающие на плечи, безупречный макияж, подчеркивающий соболиные брови и пухлые, надутые губы. Тонкая шерстяная юбка, лаковые сапожки на умопомрачительном каблуке и дубленка, от которой пахло деньгами и нарциссизмом.

Она смотрела на него с притворным, сладковатым любопытством, но в уголках ее глаз таился цепкий, хищный вопрос. *Что ты тут делаешь? Почему ты вышел оттуда? Кто внутри?*

— Ты чего тут застрял? В этой... забегаловке? — она сморщила идеальный носик, словно уловила запах дешевого кофе и простого человеческого быта, который был ей органически противен. — Я тебя полчаса жду. Звонила — не берешь.

Он молчал, изучая ее. Кукольное личико, пустой взгляд, жажда обладания, сияющая в каждом жесте. Рядом с ней он всегда чувствовал себя... чистым. Таким же пустым и предсказуемым. Сегодня же этот контраст бил по нервам с особой силой. Он только что вышел из мира, где пахло настоящим, где были эмоции, пусть и запрятанные под семью замками, где была какая-то жалкая, но *суть*. А здесь его ждала красивая, дорогая обертка от конфеты, внутри которой не было ничего, кроме сладковатой ваты.

Его взгляд скользнул к запотевшему окну кафе, за которым мелькала знакомая фигура в белом фартуке. Фигура, которая только что выдержала его атаку с ледяным, непостижимым достоинством.

Презрительная, кривая ухмылка сама собой исказила его губы. Это был оскал хищника, который и сам не понимает, почему загнал в угол диковинную птицу, но уже чувствует необходимость оправдать свой поступок перед стаей.

— Представляешь, — его голос прозвучал нарочито громко, цинично-весело, будто он делился самой забавной новостью в мире. Он кивнул в сторону витрины. — Вон, гляди. Призрак прошлого.

Алина лениво повернула голову, ее взгляд скользнул по интерьеру кафе с таким выражением, будто она разглядывала витрину зоопарка с особенно скучными экземплярами.

— Ну и? Кто эта серая мышь? — она фыркнула, не видя ничего интересного.

— Не узнала? — Артём сделал удивленное лицо, наслаждаясь моментом. Он приблизился к ней, наклонился к самому уху, и его шепот стал ядовитым, интимным, полным фаль-

шивого снисхождения. — Так это ж Иванова. Лиза Иванова. Наша школьная зубрилка, королева ботанов. Помнишь, ту, что у доски всегда тряслась, а мы над ней смеялись?

Он видел, как изменилось выражение ее лица. Равнодушие сменилось легким интересом, а затем быстрым, как вспышка магния, осознанием. Он продолжал, вкладывая в каждое слово яд, стараясь унижить не столько Лизу, сколько самого себя за тот странный, томительный интерес, который он к ней испытывал.

— Думал, хоть что-то из себя начнет представлять после школы. Устроится в какую-нибудь контору, зароется в бумажки. Ан нет! — он снова фальшиво рассмеялся. — Кофе разливает. В этой дыре. Вот, значит, как ее великие мозги в жизнигодились. Прямо анекдот!

Он выпрямился, довольный собой, ожидая ответной насмешки, поддержки, такого же ядовитого комментария. Он запускал механизм, отлаженный еще в школе: указать на жертву, опозорить ее, и стая с радостным лаем подхватит и растерзает. Это был простой, понятный язык силы.

Но реакция Алины была неожиданной. Сначала на ее лице застыла лишь легкая усмешка — рефлекторный ответ на его тон. Потом брови чуть дрогнули. Взгляд, скользнувший еще раз по фигуре за стойкой, стал пристальным, цепким, анализирующим. Она видела не «серую мышку». Она видела *девушку*. Девушку, из-за которой Артём Вершинин, никогда не замечавший ничего вокруг, кроме собственного отражения, зашел в заведение для плебеев и вышел оттуда взвинченный, злой, с горящими щеками и сжатыми кулаками.

И в ее глазах, этих темных, подведенных смоки-айз, вспыхнула дикая, животная, мгновенная ревность. Та самая, что вмиг превращает ухоженную кошечку в шипящую фурию.

Ее зрачки сузились. Идеальные губы, всего секунду назад складывавшиеся в сладкую улыбку, исказила тонкая, белая черточка злобы. Она смотрела на Лизу уже не как на забавное ничтожество, а как на насекомое. На мерзкое, отвратительное, но почему-то привлекавшее внимание *ее*самца насекомое, которое нужно немедленно раздавить каблуком своей лаковой туфли. Потому что оно посмело оказаться в ее поле зрения. Потому что его заметил *ее*Артём.

— Иванова? — ее голос стал тоньше, острее. В нем не было и тени прежней томной сладости. — Та самая, что за тобой по школе как тень бегала? Слюни пускала?

Он поймал этот тон, этот внезапный ядовитый интерес, и внутренне ликовал. Попал в цель. Не в ту, в которую целился изначально, но все же. Теперь его маленькая игра обретала нового, куда более азартного участника.

— Ну, я бы не сказал, что бегала, — он сделал снисходительное лицо, играя с ней, как кошка с мышкой. — Слишком робкая была. Да и не в моем вкусе, как ты понимаешь. Слишком... серая. И пахнет дешевым кофе.

Алина не слушала его уже. Ее взгляд прилип к окну, выискивая каждую деталь: простую прическу, отсутствие макияжа, дешевый фартук. Она искала изъяны, недостатки, подтверждения ее собственного превосходства, но почему-то с каждым мгновением ее ненависть лишь росла, потому что за всей этой серостью и простотой угадывалось нечто иное. Какое-то дурацкое, необъяснимое достоинство.

— Ну и ну, — прошипела она наконец, отрывая взгляд. Ее лицо стало маской холодной ярости. — Кофе разливает. Какой позор. Надо же, до чего люди могут скатиться.

Она повернулась к нему, и ее выражение снова стало сладким, но теперь это была сладость испорченного меда, от которого тошнит. — Поехали, Артём? Тут противно пахнет. Бедностью и... занудством.

Она взяла его под руку, властно и цепко, пометив собственность, и потянула к машине. Он позволил ей это сделать, с насмешливым удовлетворением наблюдая, как закипает яд в ее красивой, пустой головке.

Он даже не догадывался, какую бомбу только что заложил.

Следующее утро в университете было таким же, как всегда. Шумным, ярким, пахнущим духами, дорогими парфюмами и юностью. Студенты стайками сновали по коридорам, смеялись, списывали друг у друга домашние задания, строили планы на вечер.

Лиза шла по этому гулу, стараясь быть как можно незаметнее. Она снова чувствовала себя серой мышкой, вышедшей из своей норки в огромный, полный опасностей мир. После вчерашнего визита Артёма ее и без того хрупкий внутренний щит дал трещину. Каждый смех за спиной заставлял ее вздрагивать, каждый взгляд, задержавшийся на ней дольше секунды, казался подозрительным.

Она купила кофе в автомате и прижалась к стене возле аудитории, где через пятнадцать минут должна была начаться лекция. Она пыталась уткнуться в конспект, повторяя формулы, но буквы расплывались перед глазами. Вместо них она снова видела его холодное, надменное лицо. Слышала его унижительные слова.

Ее пальцы непроизвольно сжали бумажный стаканчик так, что горячий кофе чуть не пролился ей на руку.

И в этот момент ее радар, настроенный на опасность, уловил нечто. Резкий, сладковатый запах дорогих духов. Смех — слишком громкий, слишком демонстративный.

Она медленно подняла голову.

Недалеко от нее, у огромного окна, с которого открывался вид на внутренний двор университета, стояла Алина. Она была окружена своей неизменной свитой — двумя-тремя такими же ухоженными, яркими куклами с пустыми глазами и ядовитыми языками.

Они о чем-то оживленно болтали, но взгляд Алины был пристально устремлен в одну точку. Прямо на Лизу.

Их глаза встретились на долю секунды. Лиза поспешно отвела взгляд, сердце заколотилось где-то в горле. Инстинкт кричал: *опасность!*

Алина не стала отводить глаз. На ее лице расцвела медленная, довольная улыбка. Она что-то сказала своей подруге — высокой блондинке с кислотными розовыми прядями в волосах. Та обернулась, оценивающе, с насмешкой окинула Лизу взглядом и фыркнула.

Алина кивнула в сторону Лизы, прикрыла рот ладонью и что-то прошептала другой девушке, наклонившись к самому уху. Ее шепот был тихим, но Лиза уловила его общий ядовитый тембр. Он был похож на шипение змеи.

Девушка, слушавшая ее, закатила глаза и громко, нарочито рассмеялась. Смех был резким, неестественным, призванным привлечь внимание.

— Нет! — воскликнула она с притворным ужасом. — Правда? Вот это да! Я бы на ее месте сквозь землю провалилась от стыда!

Алина сделала невинное лицо и пожала плечами, ее глаза блеснули от злого, торжествующего удовольствия.

— А что такого? Работа как работа. Только вот представляешь, идешь ты такое эспresso выпить, а тебе его наливает одноклассница, которая тебе всю школу завидует. Неловко как-то.

— Завидует? — подхватила третья, с каре и в гигантских серьгах-кольцах. — Да она, наверное, счастлива, что может на людей посмотреть побогаче. В ее-то положении.

Они снова захихикали, уже открыто глядя на Лизу. Их смех был булавками, которые они вонзали в нее, стараясь попасть в самое больное.

Лиза почувствовала, как по ее щекам разливается густой, стыдливый жар. Она опустила голову, стараясь сделать вид, что не слышит, что полностью погружена в свой конспект. Но ее пальцы дрожали, и она уже не видела ни строчки перед собой.

Она понимала, что происходит. Механизм был запущен. Тот самый, что безотказно работал еще в школе. Шепоток за спиной. Указательные пальцы, направленные в ее сторону. Смешки, приглушенные, но прекрасно слышимые.

Он не просто пришел унижить ее лично. Он бросил ее на растерзание своей стае. Давал им понять, что она — не интересная ему добыча, а всего лишь униженная игрушка, над которой можно и нужно поиздеваться для общего веселья.

«Кофе разливает».

Эти слова, сказанные им с таким презрением, теперь подхватывались и тиражировались этими пустыми, нарядными куклами. Они не знали, каково это — вставать в пять утра, чтобы успеть на работу. Не знали, каково это — считать каждую копейку, чтобы хватило на еду и книги. Они рождались в шелке и росли на золоте. Для них работа бариста была уделом лузеров, служанок, людей второго сорта.

И этот яд, эта простая, примитивная сплетня, была куда страшнее прямого нападения Артёма. Его можно было пережить один на один. А это... это было подобно ядовитому туману, который медленно заполнял все пространство вокруг нее, проникал в каждую щель, отравлял воздух, которым она дышала. От этого нельзя было закрыться. Нельзя было убежать.

Зазвенел звонок, возвещающий о начале пары. Спасение.

Лиза, не поднимая глаз, ринулась к дверям аудитории, стараясь проскользнуть внутрь как можно быстрее, раствориться в толпе.

Алина и ее подружки неторопливо последовали за ней. Проходя мимо, Алина нарочно задела Лизу плечом, даже не взглянув на нее, как будто та была пустым местом, мусором на своем пути.

— Ой, извини, — бросила она через плечо без тени извинения. — Не заметила тебя. Ты же такая... неprimетная.

Ее свита снова сдержанно хихикнула.

Дверь аудитории закрылась, но Лиза знала — это только начало. Яд был впрыснут. Первые сплетни, как споры ядовитого гриба, уже разлетелись по коридорам престижного университета. И теперь ей предстояло жить в отравленной атмосфере, которую она так тщательно пыталась избежать, начиная свою жизнь с чистого листа.

Чистый лист был испачкан. И она с ужасом понимала, что отмыть его уже не удастся.

Понравился роман? Подпишитесь и отметьте его звездочкой # на Литнет. Это лучшая благодарность автору и отличный способ поддержать продолжение!

Глава 9

Университетские коридоры между парами напоминали муравейник, внезапно потревоженный палкой. Гул голосов, смех, звонкие возгласы, топот сотен ног — все сливалось в один непрерывный, оглушительный поток жизни. Студенты неслись по длинным, светлым коридорам, сталкивались, обнимались, спорили, списывали друг у друга конспекты, строили планы на вечер. Это был кипящий котел молодости, энергии и беззаботности.

Лиза шла сквозь этот поток стараясь держаться ближе к стене, уменьшая площадь возможного соприкосновения с миром. Ее рюкзак, туго набитый книгами, был ей и щитом, и грузом, тянувшим ко дну. Она смотрела прямо перед собой, на пятно на полу в десяти шагах вперед, затем на следующее, прокладывая себе маршрут сквозь людское море.

Но сегодня что-то было не так.

Она чувствовала это кожей, спиной, затылком — тем самым шестым чувством жертвы, которое никогда не обманывает. Воздух вокруг нее был иным. Более плотным. Более... вязким.

Первый сигнал — взгляд. Не беглый, скользящий, какими люди обмениваются в толпе, а пристальный, заинтересованный, зацепившийся. Она поймала его краем глаза — девушка из параллельной группы, остановившаяся с подругой, смотрела на нее без стеснения, что-то шепча на ухо своей спутнице. И та тоже повернулась, и ее взгляд стал таким же оценивающим, любопытным.

Лиза ускорила шаг, притворившись, что не заметила. Сердце застучало тревожным ритмом где-то в основании горла.

Второй сигнал. Проходя мимо кучки студентов, она уловила обрывок фразы: «...да, та самая, которая в кафе...» И потом — сдержанный, приглушенный смешок. Не громкий, не злой. Скорее — смущенный. Но он был о ней. Она почувствовала это нутром.

Она продолжала идти, но ее спина стала неестественно прямой, а плечи — одеревеневшими. Она словно ощущала на коже множество невидимых иголок — взглядов, тыкающих в нее со всех сторон.

Третий сигнал был уже откровеннее. Она проходила мимо открытой двери аудитории, откуда доносился гомон. И когда она поравнялась с дверным проемом, голоса внутри на мгновение стихли. Не полностью, но — заметно. На несколько секунд. Потом кто-то неуверенно засмеялся, и разговор возобновился, но уже тише, с какими-то пониженными, шипящими нотами.

Ей стало физически душно. Коридор, еще минуту назад казавшийся просторным, вдруг сузился, стены поползли на нее. Она чувствовала, как по ее щеке ползет предательский румянец. *«Не смотри. Не показывай вида. Иди быстрее»*, — застучало в висках.

Она почти дошла до своей аудитории, уже мысленно представляя, как рухнет на свободное место за последней партой и уткнется в учебник.

Прямо перед ней, у кулера с водой, стояли три девушки. Яркие, ухоженные, одетые в дорогую, брендовую одежду, которая кричала о своем происхождении с каждого шва. Они оживленно о чем-то болтали, но когда Лиза приблизилась, чтобы пройти, одна из них — высокая блондинка с идеальным макияжем — обернулась и громко, нарочито невинным тоном, спросила у своей подруги:

— Ой, Маш, а правда, что она в школе за всеми парнями бегала? Я где-то слышала... Такая серая, а такая наглая!

Она не смотрела на Лизу. Делала вид, что просто делится сплетней. Но её голос был нарочито громким, рассчитанным на то, чтобы услышали все вокруг, включая объект насмешки.

Воздух вырвался из лёгких Лизы беззвучным спазмом. Она замерла на полшага, будто споткнулась о невидимую преграду. В ушах зазвенело. Весь шум коридора — смех, говор,

топот — отступил, превратился в глухой, далёкий гул. Она слышала только этот вопрос, висящий в воздухе, ядовитый и жужжащий.

За всеми бегала.

Ложь. Гнусная, примитивная, школьная ложь, которую когда-то запустил он. Выдумка, которая больно жалила тогда, и которая возвращалась сейчас, как бумеранг, пущенный его рукой.

Она почувствовала, как земля уходит из-под ног. Лицо стало ледяным, кровь отхлынула, оставив кожу влажной и холодной. Она должна была что-то сделать. Возмутиться? Ответить? Обернуться и столкнуть эту куклу с её надуманного пьедестала?

Но годы выученного поведения взяли верх. Годы, когда лучшей защитой было стать невидимкой, спрятаться, перетерпеть. Она механически, с титаническим усилием воли, заставила ногу сделать следующий шаг. Потом другой. И прошла мимо, спиной улавливая их сдержанное, довольное хихиканье.

Она вошла в аудиторию, прошла на своё место у окна и рухнула на стул. Руки дрожали. Она сжала их в кулаки на коленях, стараясь взять себя в руки. «Ерунда. Пустая болтовня. Неправда», — пыталась она убедить себя. Но внутри всё кричало от унижения. Они не просто смеялись. Они повторяли *его* слова. Они стали его рупором, его оружием.

Пара прошла в тумане. Она не слышала ни слова из лекции, не видела формул на доске. Сидела, уставившись в одну точку, и чувствовала, как стены аудитории смыкаются вокруг. Каждый взгляд, брошенный в её сторону, казался исполненным насмешки или любопытства к позорной истории.

Когда прозвенел звонок, она выскочила из аудитории одной из первых, стремясь скрыться, раствориться в толпе, добраться до своей комнаты, где можно было бы упасть на кровать и застонать от бессильной ярости.

Но уйти незамеченной не удалось.

Не успела она свернуть в более тихий коридор, ведущий к выходу, как услышала за спиной громкие, разгневанные голоса. Один из них был до боли знакомым.

— Эй, ты! Стой! — гремел голос Кати.

Лиза обернулась. Её подруга, вся пышущая жаром ярости, как рыжий вихрь, преградила дорогу одной из тех самых девушек у кулера — той самой блондинки. Катя держала её за рукав дорогой куртки.

— Повтори, повтори сейчас всем, что ты там про Лизу ляпала! — Катя говорила громко, нарочно, чтобы слышали все вокруг. Её глаза метали молнии. — Ну давай же! Или только за спиной языком молоть горазды?

Девушка, Света, пыталась вырваться, её наглое кукольное личико стало испуганным и растерянным. Она бросала взгляды по сторонам, ища поддержки, но её подруги куда-то испарились.

— Катя, отпусти! Я не знаю, о чем ты! — запищала она, пытаясь отцепить Катины пальцы. — Я ничего не говорила!

— Врёшь! Я всё слышала! — Катя трянула её за рукав. — «За парнями бегала»? Это ты про кого? Сама-то, из-за кого в прошлом семестре истерику в инстаграме закатывала? Из-за того перепуганного первокурсника?

Света покраснела до корней волос. Удар пришёлся точно в больное место.

— Отстань! Это не я придумала! — выпалила она, огрызаясь. — Все так говорят! Отстань от меня!

Она дёрнула руку, куртка затрещала по шву, и ей удалось вырваться. Она, не оглядываясь, пулей умчалась прочь, потеряв всю свою напускную важность.

Катя, пылая от гнева, тяжело дыша, повернулась и увидела Лизу. Она тут же бросилась к ней, её лицо выражало яростное сочувствие.

— Лиза! Ты слышала, что эта мразь несёт?! — она почти кричала, голос дрожал от несправедливости. — Это же... это же просто... — она захлебнулась от возмущения. И потом выдохнула то, что обе они уже знали: — Это всё тот... Вершинин! Это же он! Он им нашептал, гад! Он специально!

Она смотрела на Лизу, ожидая взрыва, слёз, гнева. Ждала, что её тихая подруга наконец сломается и даст волю чувствам.

Но Лиза стояла неподвижно. Лицо было бледным, но на нём не было ни злости, ни слёз. Лишь бесконечная, леденящая усталость. Она посмотрела на Катю, на её разгорячённое, яростное лицо, и медленно, очень тихо покачала головой.

— Не обращай внимания, Кать, — её голос прозвучал глухо, безжизненно.

Катя отшатнулась, будто её ударили.

— Как это — не обращай внимания?! — взорвалась она с новой силой. — Лиза, они же несут чушь! Они же...

— Катя, — Лиза перебила её, и в её тихом голосе вдруг послышалась сталь. Она положила руку на запястье подруги, чувствуя, как та дрожит от адреналина. — Успокойся. Ничего не надо. Никого не надо бить.

— Но почему?! — в голосе Кати звучали слёзы от бессилия.

— Потому что они сами успокоятся, — Лиза отвела взгляд, глядя в пустоту за спиной Кати. — Им станет скучно. Если не будет реакции — не будет и зрелища. Они ищут крови. Не надо давать им её.

Она говорила это с ледяной, отстранённой уверенностью, словно это была не её жизнь, а учебник по социальной динамике. Слова были правильными, логичными. Но за ними скрывалась горькая правда её существования. Правда о том, что любое сопротивление только разжигает травлю. Любая эмоция — это пища для хищников. Оставалось только одно — замереть, притвориться мёртвой, и может быть тогда они потеряют интерес.

Катя смотрела на неё с ужасом и жалостью. Она видела не силу в этих словах, а слом. Страшное, добровольное принятие роли жертвы.

— Лиз... — она прошептала. — Так нельзя... Они же...

— Ничего, — перебила её Лиза, и в этой улыбке не было ни капли тепла. — Ничего. Все пройдет. Самим станет скучно.

Она отпустила руку Кати, повернулась и медленно пошла по коридору к выходу. Её фигура в простой одежде казалась такой маленькой и беззащитной на фоне яркой, кипучей жизни университета.

Катя осталась стоять одна, с сжатыми кулаками, с яростью, кипящей в груди, и с шемющим чувством беспомощности. Она смотрела вслед своей подруге, которая предпочла не бороться, а просто переждать бурю, спрятавшись в самой глубине себя.

И она понимала, что Лиза ошибалась. Им не станет скучно. Потому что за ними стоял *он*. А ему скучно не было никогда. Для него игра только начиналась.

Глава 10

Последний звонок, возвестивший об окончании пар, прозвучал для Лизы как сигнал к спасительной тишине. Аудитория опустела за считанные секунды — стулья с грохотом задвигались, голоса, смех, топот ног понеслись к выходу, к свободе, к вечерним планам. Словно стая птиц, всполошившись, разом снялась с насиженного места и улетела, оставив после себя лишь легкое смятение из брошенных бумажек и густой запах скопившегося за день человеческого тепла.

Лиза не торопилась. Для нее этот час после занятий был особым, почти священным временем. Временем, когда университет принадлежал ей одной. Она осталась сидеть за своей партой у окна, дорисовывая в конспекте аккуратную, идеально выверенную схему. Луч заходящего солнца, пробиваясь сквозь высокое окно, ложился на страницу теплым золотым квадратом. В этой тишине, нарушаемой лишь отдаленными шагами уборщицы и гулом вентиляции, можно было дышать полной грудью. Можно было притвориться, что весь этот огромный, пугающий мир остался за дверью, а здесь, среди запаха мела и старой древесины, она в безопасности.

Она с наслаждением выводила последнюю стрелочку, чувствуя под пальцами шероховатость бумаги и тонкий, почти невесомый след от ручки. Порядок в конспектах был отражением порядка в ее душе, хрупкого и такого труднодостижимого. Каждая ровная линия, каждая аккуратная пометка были маленькой победой над хаосом жизни.

Она уже собирала вещи, уже мысленно представляла, как зайдет в кафе, возьмет чашку капучино и пойдет в общагу, к Кате, к своим четырем стенам, когда ощущение сменилось.

Воздух в аудитории изменился. Он не просто замер — он сгустился, стал тяжелым, плотным, электрическим. Тишина из уютной превратилась в зловещую, настороженную.

Лиза медленно подняла голову.

В дверном проеме, заполняя его собой, стоял он.

Артём Вершинин. Как будто материализовался из самого мрака ее кошмаров. Он прислонился плечом к косяку, его руки были засунуты в карманы дорогих брюк, а силуэт на фоне слабо освещенного коридора казался огромным и угрожающим. Он молча смотрел на нее. Как хищник, наблюдающий за загнанной в угол дичью, уже зная, что пути к отступлению отрезаны.

Сердце Лизы провалилось куда-то в пятки, а потом рванулось обратно и забилось в горле бешеным, неровным барабанным боем. Кровь отхлынула от лица, оставив кожу ледяной. Инстинкт кричал об опасности, о ловушке. Она непроизвольно отодвинулась к стене, вжимаясь в спинку стула.

Он оттолкнулся от косяка и вошел. Его шаги по старому деревянному полу были бесшумными, плавными, как у большого кота. Он не спешил, наслаждался моментом. Дверь осталась открытой, но он встал к ней спиной, совершенно очевидно блокируя единственный выход. Его тело, его уверенность, его сама аура были непреодолимой физической преградой.

— Иванова, — произнес он наконец. Его голос был тихим, почти ласковым, бархатным, и от этого становилось еще страшнее. — Какая старательность. Все уже разбежались по своим норкам, а ты тут... перфекционизмом страдаешь. Допиливаешь шедевр?

Он медленно, неотвратно приближался к ее парте, его взгляд скользнул по раскрытому конспекту, по ее замершим, вцепившимся в руку пальцам.

— Все еще вкалываешь, как ломовая лошадь? — спросил он, и в его ровном, спокойном тоне зазвучала ядовитая, притворная жалость. — Деньги с очередной стипендию копишь? Или просто больше в жизни тебе заняться нечем? Ни тусовок, ни поклонников... одни книжки.

Лиза сидела, не двигаясь, сжав кулаки под столом. Ногти с силой впивались в ладони, и эта острая, реальная боль помогала ей держаться, не давала потерять сознание от накатывающей волны паники и давнего, знакомого до тошноты ужаса. Она смотрела не на него, а куда-

то в пространство перед собой, на покрытую царапинами поверхность стола, стараясь дышать глубже, ровнее, хотя воздух, казалось, стал густым и непригодным для дыхания.

— Думаешь, эти твои пятерки спасут тебя от твоей жалкой жизни? — он уже стоял прямо перед ее партой, нависая над ней, заслоняя собой скудный вечерний свет от окна. Его тень накрыла ее с головой, поглотила. — Что они тебе дадут, а? Право мыть полы в более дорогом офисе? Или возможность торговать кофе не в забегаловке, а в премиальном баре? Мечтаешь?

Он облокотился руками о ее парту, наклонился так близко, что она почувствовала легкий, холодный запах его дорогого парфюма — древесный, шипровый, чуждый и подавляющий. Он говорил тихо, интимно, почти по-дружески, словно делился какой-то страшной, запретной тайной, и каждое его слово было отточенным до бритвенной остроты лезвием, входящим точно в цель, в самое больное место.

— А помнишь, как ты плакала у доски? — его голос стал еще тише, еще более пронзительным и ядовитым. — На том уроке литературы, в девятом классе. Мы проходили что-то скучное... «Грозу», кажется. Я до сих пор помню твое мокрое, перекошенное, некрасивое лицо. Это было так... забавно. Ты тогда так жалобно смотрела на Веру Степановну, умоляя взглядом о помощи. А она сделала вид, что не заметила, и отвернулась к окну. Помнишь?

Воспоминание, яркое, обжигающее и болезненное, ударило по Лизе с новой, свежей силой. Она помнила. Помнила каждый унижительный миг. Свой дрожащий, срывающийся голос. Его громкий, нарочитый хохот с задней парты, который тут же подхватил весь класс. Капли слез, падающие на открытый учебник и расплывающиеся чернила. Полное, всепоглощающее бессилие и стыд.

— Молчишь? — он усмехнулся, и в этом коротком, сухом звуке не было ни капли веселья. Была лишь ледяная, отточенная жестокость. — Как и тогда. Ты ведь всегда молчишь. Тебе, нечего сказать. Никогда не было. Ни ума, ни смелости, ни даже смазливости, чтобы хоть как-то компенсировать убогость.

Он выпрямился, сделал медленный, небрежный круг по передней части аудитории, прошел мимо кафедры, снова приблизился, но теперь с другой стороны, отрезая ее от окна.

— И на что ты надеешься, а? — его голос вновь стал издевательски-сочувствующим, сладковатым. — Этот твой титанический, самоотверженный труд, эти ночи над учебниками, этот добровольный аскетизм... Этот твой красный диплом — он тебе квартиру купит? Машину? Или... — он сделал театральную, выверенную паузу, наслаждаясь ее напряжением, — ...ты думаешь, какой-нибудь принц на белом мерседесе обратит внимание на тебя, Золушку из вонючей общаги? Увидит в тебе, под слоем вечной усталости и запаха дешевого кофе, скрытый потенциал? Нереализованную красоту? Смешно.

Последнее слово он произнес с особой, подчеркнутой, уничижительной нежностью. Оно повисло в воздухе, ядовитое, тяжелое, вязкое, как сироп.

Лиза не выдержала. Ее дыхание, которое она с таким трудом пыталась контролировать, окончательно сбилось, стало прерывистым. В горле встал предательский, душащий ком. По щекам, против ее воли, покатились тяжелые, горячие слезы — тихие, беззвучные, от чего было еще унижительнее. Она резко встала, отодвинув стул с оглушительным, режущим уши скрежетом.

— Отстань от меня, — выдохнула она, и ее голос, тихий, сорванный, слабый, прозвучал как жалкий, никчемный шепот. — Просто отстань. Оставь меня в покое.

Она сделала резкий, порывистый шаг к выходу, пытаясь обойти его, проскочить, но он легко, почти небрежно, двинулся ей наперерез, снова преградив путь. Его физическое превосходство, его уверенность были подавляющими.

— Куда ты так спешишь? — спросил он мягко, играючи. — Мы же только начали старые добрые времена вспоминать. Так славно поностальгировали.

Она попыталась рвануться в другую сторону, к окнам, но он снова оказался перед ней, блокируя движение. Это была извращенная игра. Кошачья забава с уже пойманной мышкой. И он явно получал от процесса огромное, нескрываемое удовольствие.

— Дай пройти, — прошептала она, и в ее голосе уже явственно слышались слезы, сдавленные рыдания. Унижение, ярость, беспомощность, детский страх — все смешалось в один плотный, удушающий клубок, стоящий комом в горле.

— А что такое? — он наклонил голову набок, изображая наигранное, театральное удивление. — Уже все? На этом все твое достоинство закончилось? А я-то думал, ты хоть как-то изменилась за эти годы. Окрепла. Возмужала. Ан нет. Все та же слабая, плаксивая, жалкая девочка. Такая же, как и была. Ничего не изменилось.

Он смотрел на ее искаженное от злости и боли лицо, на слезы, оставляющие мокрые, грязные дорожки на бледных щеках, и на его собственном, идеально вылепленном лице появилось выражение холодного, безразличного, почти научного удовлетворения. Не торжества. Не злорадства. А именно удовлетворения — как у исследователя, который наконец-то доказал себе важную, потаенную гипотезу. Да, она все та же. Да, он все так же может ее сломать одним лишь словом, одним взглядом. Все в мире остается на своих местах.

Он помолчал еще несколько секунд, давая ей прочувствовать всю глубину своего унижения, всю ее абсолютную беспомощность перед ним. А потом... просто отступил. Сделал легкий, небрежный шаг в сторону, освобождая проход к двери. Без слов. Без заключительной фразы. Как будто просто потерял к ней всякий интерес, как к надоевшей, сломанной игрушке.

Лиза не заставила себя ждать. Она не смотрела на него, не думала ни о чем, не чувствовала ничего, кроме животной потребности бежать. Инстинкт самосохранения кричал только одно: *Беги! Немедленно!* Она рванула к выходу, слепо, зацепившись плечом за косяк, и вылетела в пустой, гулкий, полутемный коридор. Ее быстрые, сбивчивые шаги громко, громко отдавались от голых стен, сливаясь с бешеным, неровным стуком ее сердца.

Артём не пошел за ней. Он остался стоять в центре пустой аудитории, глядя ей вслед в открытую дверь. На его лице застыла странная, противоречивая гримаса. В уголках губ играла тонкая, едва заметная тень триумфа, самодовольства — он добился своего, он снова ее сломал, он доказал свое превосходство, свою власть. Но в глазах, холодных, пустых и словно бы подернутых дымкой, читалось что-то иное. Разочарование? Досада? Скука? Как будто победа оказалась слишком легкой, не такой сладкой и насыщенной, как он ожидал. Как будто сломанная игрушка уже не вызывала прежнего азарта и любопытства.

Он медленно повернулся, подошел к ее парте и взглянул вниз на ее идеальный, теперь брошенный конспект. Он провел пальцем по ровным, аккуратным строчкам, оставленным ее старательной рукой, и его лицо осталось невозмутимым. Потом он взял тетрадь, медленно, почти задумчиво порвал ее пополам, а потом еще и еще раз. Бросил смятые обрывки на пол, наступил на них ногой и, не оглядываясь, вышел из аудитории.

Лиза бежала по бесконечному, пустынному коридору, ослепленная слезами и паникой. Она добежала до женского туалета, влетела в первую же кабинку, захлопнула за собой дверь на задвижку и, привалившись спиной к холодной кафельной стенке, зарыдала. Всклипывания, глухие, надрывные, болезненные, разрывали ей грудь, выходя наружу судорожными спазмами. Все ее тело дрожало мелкой, частой дрожью, как в лихорадке, сотрясаемое пережитым унижением, бессильной яростью, старым, как мир, страхом.

А потом, как это часто бывало, волна острых, свежих эмоций стала отступать, унося с собой остатки сил, и на ее место пришла другая волна — еще более страшная и безжалостная. Волна памяти. Яркой, жесткой, пронзительной до физической боли.

Частная школа «Оникс». Не просто школа, а целый отдельный мир, тщательно отгороженный от остального города высоким кованым забором, деньгами, статусом и чувством собственного превосходства. Она попала туда по программе для «одаренных детей из соци-

ально незащищенных семей». Рай для ума. Ад для души. Два параллельных мира, существующих в одном пространстве, но никогда не пересекающихся.

Огромный, светлый класс, пахнувший дорогой мебелью, свежими красками и чем-то еще — ощущением собственной избранности, которое витало в воздухе и которым дышали все местные обитатели. Она стоит у новой, идеально чистой доски, стараясь своим дрожащим, неуверенным голосом анализировать стихотворение Тютчева. На нее смотрят двадцать пар глаз. Не детских — холодных, оценивающих, привыкших смотреть на таких, как она, слегка свысока, с легкой брезгливостью и любопытством, как на диковинных зверьков.

И его голос, ленивый, развязный, с задней парты, откуда он всегда правил своим маленьким царством: «Боже, да замолчи ты уже. Слушать тошно. Ты даже красиво заплакать не можешь, как все остальные приличные девочки. У тебя и слезы-то какие-то дешевые».

Раздался унижительный хохот. Учительница, молодая и неопытная, делает вид, что не слышит, перелистывает страницы журнала. Она одна. Совсем одна в этом сияющем, враждебном, чужом мире.

Он подходит к ней на большой перемене, когда она пытается спрятаться в самом укромном уголке библиотеки, за стеллажами со старой литературой. Он не один — с ним его неизменная свита. «Что, Иванова, плакать пришла? Место уже присмотрела? Только, чур, не на моих книгах. От тебя же потом пахнет... бедностью. Выветривается плохо».

Он не бил ее. Не отбирал деньги. Он делал нечто неизмеримо худшее — он систематически, изо дня в день, методично уничтожал ее достоинство. Он указывал на стоптанные, но аккуратно почищенные башмаки. Громко, на весь класс, интересовался, не из благотворительного ли фонда ей принесли эту скромную юбку. Смеялся над ее слишком правильной, книжной речью, над ее робостью, над ее нежеланием участвовать в их пустых, жестоких забавах. Он сделал ее изгоем. Невидимой. Игрушкой для скуки. Наглядным примером того, что случается, когда «не своя» по ошибке попадает в их идеальный, элитарный мир.

И самое страшное было в его глазах. Не злость. Не ненависть. А холодный, отстраненный, научный интерес. Ему было искренне интересно, как долго она продержится. На сколько хватит ее запаса прочности, ее упрямства. Он изучал ее, как биолог изучает подопытную лягушку, изредка щипком заставляя его дергаться, чтобы наблюдать реакцию.

Лиза всхлипнула, прижав ладони к лицу, пытаясь выдавить из себя это воспоминание, заткнуть эту старую, но все еще кровоточащую рану. Но оно было живым, обжигающим, ярким. Он не изменился. Ни на йоту. Он просто сменил декорации, переехал из школьного кабинета в университетскую аудиторию. И она, как последняя дура, надеялась, что здесь, в большом городе, в университете, у нее появился шанс начать все с чистого листа, стать другой, стереть прошлое.

Чистый лист был грубо вырван, скомкан и брошен к его начищенным ботинкам. И он с удовольствием растоптал его, получив свою порцию привычного, предсказуемого удовольствия.

Она медленно, обессиленно вышла из кабинки, подошла к раковине и уставилась на свое отражение в зеркале. Распухшее, красное, некрасивое лицо. Испуганные, пустые глаза. Жалкая, сломленная кукла. Именно такой он ее и хотел видеть.

Она плеснула в лицо ледяной воды, стараясь смыть следы слез, смыть ощущение его присутствия, его взгляда, его голоса, его запаха. Но она знала — это не смоешь. Это навсегда останется с ней. Шрамом на душе.

И тогда, из самой глубины этого отчаяния, из-под груза унижения и страха, медленно, но верно начала подниматься другая, знакомая сила. Тихая, ледяная, неотвратимая ярость. Ярость на него. На себя, за свою слабость. На весь этот несправедливый мир, который всегда был на его стороне.

Спасибо, что читаете! ## Если роман вам интересен, подпишитесь и поставьте #. Для автора это огромная поддержка, а для вас — уведомления о новых главах!

Глава 11

Перемена между парами в университете была особым видом хаоса. Это был не просто перерыв — это была короткая, бурная жизнь, вмещавшая в себя всё: обмен новостями, списывание домашних заданий, флирт, ссоры, планы на вечер. Коридоры гудели, как растревоженные ульи, а поток студентов тек по ним, разбиваясь на мелкие ручейки у стен, где кипели свои маленькие драмы.

Лиза пробиравлась сквозь эту толпу, стараясь быть невидимой. Она прижимала к груди стопку учебников, словно это был щит, а ее взгляд был устремлен в пол, на грязный кафель, чтобы только не встретиться ни с кем глазами. После вчерашнего в опустевшей аудитории ее нервы были оголены, и каждый громкий смех, каждое неосторожное движение заставляло ее вздрагивать. Она шла к автомату с кофе — этому металлическому спасителю, дающему иллюзию занятия и глоток дешевого, но бодрящего тепла.

Очередь к автомату была недлинной. Она отстояла свою минуту, приложила карту, нажала кнопку. Из нутра аппарата послышался привычный шипяще-булькающий звук, и в пластиковый стаканчик потекла темная, пахнущая жжеными зернами жидкость. В этот момент она почувствовала себя почти в безопасности. Рутинное действие, знакомый ритуал.

Идиллия длилась ровно до того момента, пока она не потянулась за своим стаканчиком.

Воздух вокруг внезапно изменился, сгустился, наполнился резкими, сладковатыми парфюмами. Лиза замерла, не успев взять кофе, и медленно подняла голову.

Перед ней, полукругом, встали они. Три фигуры, перекрывающие путь к отступлению. В центре — Алина. В своем обычном образе — дорогая, ультрамодная куртка, идеальный макияж, холодные, оценивающие глаза. Ее подруги — такие же ухоженные, с одинаковыми масками презрения на лицах.

— О, смотрите-ка, кто у нас тут кофейком балуется, — голос Алины был громким, нарочито сладким, рассчитанным на то, чтобы слышали все вокруг. — А я ведь слышала, кофе в твоей забегаловке просто отвратительный. Все в универе только и говорят об этом.

Одна из подруг, девушка с кислотно-розовыми прядями, язвительно хихикнула.

Лиза почувствовала, как по ее щекам разливается предательский, жгучий румянец. Она потянулась за стаканчиком, стараясь делать вид, что не слышит, но ее рука дрогнула, и несколько капель горячего кофе пролилось на пальцы.

— Тебе бы, вообще-то, не здесь стоять, — продолжала Алина, наслаждаясь моментом, играя с ней, как кошка с мышкой. — Тебе бы лучше в столовой на раздаче работать. Картошку там помешивать. Или полы мыть. От тебя хоть какая-то польза была бы. А то кофе людям портишь.

«Розовая» и третья девушка, высокая брюнетка, громко рассмеялись уже открыто, вызывая. Несколько студентов, стоявших неподалеку, обернулись на шум. Лиза видела их любопытные, испытующие взгляды. Ей хотелось провалиться сквозь землю.

— Пропустите меня, пожалуйста, — тихо, почти шепотом выдохнула она, пытаясь сохранить остатки достоинства.

— А что? — Алина сделала удивленное лицо и не подвинулась ни на сантиметр. — Мы тебе мешаем? Мы же просто поболтать решили. По-дружески.

— Я... мне надо на пару, — солгала Лиза, чувствуя, как голос предательски дрожит.

— Ну так иди, — Алина широко жестикулировала, но ее подруги, поняв жест, лишь плотнее сомкнули ряды. — Кто тебе мешает? Мы разве тебя держим?

Это была старая, как мир, унижительная игра. Лиза знала ее правила еще со школы. Сделать вид, что ничего не происходит, что это просто шутка, а жертва — это та, у которой «нет чувства юмора».

Она сделала резкое движение, пытаясь буквально просочиться между ними, но «розовая» девушка тут же подставила плечо, преградив путь.

— Ой, куда ты прёшь? — она фыркнула. — Кофе на меня прольешь! Это же моя новая кофта!

Лиза отшатнулась, как от огня. Сердце колотилось где-то в горле. Она чувствовала на себе десятки взглядов. Стыд и ярость поднимались комом в горле. Она была готова рвануться снова, уже не думая ни о чем, просто прорваться силой, вызвать скандал, лишь бы вырваться из этого унижительного кольца.

И в этот момент со стороны раздался спокойный, ровный, абсолютно уверенный мужской голос

— Алина, отстань. Не позорься.

Все, включая Лизу, разом обернулись на звук.

К ним подходил Даниил. Однокурсник. Парень с их потока, который обычно сидел где-то сбоку, на задних рядах, внимательно слушал пары и никогда не участвовал в этих глупых склоках и группировках. Он был одет в простой темный худи и джинсы, в руке — потрепанная книга в закладках. Его поза была собранной, прямой, а взгляд, устремленный на Алину, — спокойным и ободряющим. Он подошел к группе и остановился в шаге, не вторгаясь в личное пространство, но его присутствие сразу же изменило расстановку сил.

Алина, на секунду опешив, быстро оправилась. Она фыркнула, смерив его высокомерным взглядом.

— Даня, не твое дело, — бросила она, щелкая словами, как хлыстом. — Героем решил стать? Спасти несчастную? Как мило.

Ее подруги переглянулись, неуверенно хихикнули, но уже не так громко. Их уверенность пошатнулась.

Даниил не смутился. Он даже не повысил голос. Он просто посмотрел на Алину прямо, без вызова, но и без страха.

— Мое дело, когда травят человека из моей же группы, — произнес он четко, весомо, так что каждое слово было прекрасно слышно. — И вообще, когда травят человека. Ясно. Иди уже, займись чем-нибудь полезным. Или скучно стало?

В его тоне не было оскорбления. Была констатация факта. Факта того, что их поведение — это признак скуки и пустоты, а не крутости.

Алина замерла с открытым ртом. Она явно не ожидала такого. Она привыкла, что все либо поддакивают ей, либо трусливо отворачиваются. А тут — прямое, спокойное, обезоруживающее сопротивление. Она искала язвительный ответ, но слова не находились. Ее лицо изобразило брезгливую гримасу.

— Да пошла ты, — бросила она уже не Лице, а Даниилу, но в ее голосе слышалась фальшь и досада. — Сама разберешься! Нечего было лезть.

Она резко развернулась, кивнула подругам, и вся троица, высоко неся головы, но с заметной поспешностью, удалилась, растворяясь в толпе. Шоу было окончено. Зрители, не видя продолжения, потеряли интерес и отвернулись.

Даниил повернулся к Лизе. Его лицо было спокойным, без тени упрека или унижительной жалости.

— Все в порядке? — спросил он просто.

Лиза все еще не могла прийти в себя. Она чувствовала, как дрожь понемногу отступает, сменяясь странной, слабой пустотой. Она кивнула, слишком быстро, слишком нервно.

— Да... Спасибо, — выдохнула она, и голос ее звучал сипло и неуверенно.

— Не за что, — он легко улыбнулся, и в его глазах не было ни капли осуждения. — Они просто скучают. Больше им заняться нечем, вот и развлекаются, как могут.

Он посмотрел на пролитый ею на пол кофе.

— Подожди, сейчас, — он подошел к автомату и через мгновение протянул ей новый, полный стаканчик. — На, возьми. Кажется, твой приказал долго жить.

Лиза машинально взяла стаканчик, ощущая исходящий от него спасительный жар. Она смотрела на Даниила, не в силах найти слова. Эта простая, неожиданная доброта после жестокости Алины и ее вечных игр с Артёмом казалась чем-то нереальным, пришедшим из другого мира.

— Мне... мне правда пора на пару, — пробормотала она, наконец найдя в себе силы говорить.

— Мне тоже, — он кивнул в сторону аудитории. — Пойдем вместе?

Они пошли по коридору, и Лиза чувствовала, как за спиной все еще горят воображаемые взгляды, но теперь уже было не так страшно. Рядом с ней шел человек, который не боялся. Который видел происходящее и не отвернулся.

Для нее, за долгие годы привыкшей к одиночеству и постоянной обороне, это было настоящим чудом. Маленьким, хрупким, но чудом. И впервые за долгое время в ее душе, сжатой в комок страха и злости, что-то дрогнуло и робко расправилось, потянувшись к этому неожиданному лучу света.

Глава 12

Аудитория 310, «Высшая математика». Для многих это было синонимом чистилища. Воздух здесь всегда казался гуще, насыщеннее парами пота, умственного напряжения и легкой паники. Доска, испещренная загадочными символами, интегралами и пределами, напоминала карту неизведанной территории, а седой профессор Макаров, с его тихим, пронизательным голосом, был ее суровым, но справедливым проводником.

Лиза сидела на своей привычной месте — с краю, у окна, откуда был виден кусочек неба и верхушки голых осенних деревьев. Перед ней лежал раскрытый конспект, испещренный ее же аккуратными пометками. Она слышала каждое слово профессора, ее мозг автоматически раскладывал все по полочкам, выстраивая логические цепочки. Вышка давалась ей удивительно легко. В этом мире абстрактных формул и безупречных доказательств царили порядок и логика, не было места жестокости, сплетням и непредсказуемости людей.

Профессор Макаров, закончив объяснение новой темы, отложил мел и обвел аудиторию своим спокойным, всевидящим взглядом.

— Теперь, — произнес он, и в аудитории повисла напряженная тишина, — давайте проверим, насколько вы поняли суть. Задача следующая...

Он развернулся к доске и быстрыми, точными движениями вывел условие. Задача была действительно каверзной, требующей не столько знания формул, сколько гибкости мышления, умения увидеть неочевидный путь решения.

Лиза прочла условие, и в ее голове тут же начала выстраиваться схема. Она знала ответ. Значит почти сразу, на уровне интуиции, подкрепленной фундаментальным пониманием темы. Ее пальцы сами потянулись к ручке, чтобы записать ключевой момент и... замерла.

Она почувствовала на себе десятки невидимых взглядов. После истории с Алиной, после унижения в коридоре, она ощущала себя как голой на площади. Поднять руку сейчас — значит снова привлечь к себе внимание. Значит стать мишенью. В ее памяти всплыло лицо Артёма, его холодные, насмешливые глаза. *«Все еще вкалываешь, как лоховая лошадь? Думаешь, пятерки спасут тебя?»* Его слова, как ядовитые иголки, впились в самое сердце ее уверенности.

Она опустила взгляд в конспект, сжала ручку так, что костяшки побелели. Нет. Сегодня она не может. Сегодня она должна быть тише воды, ниже травы.

Профессор подождал, посмотрел на опущенные головы, на лица, выражавшие легкую панику.

— Никто? — в его голосе прозвучала легкая укоризна. — Неужели никто не видит решения?

И в этот момент с другого конца аудитории, с задних рядов, раздался спокойный, ровный голос.

— Можно попробовать, Иван Сергеевич.

— Пожалуйста, Даниил, — кивнул профессор.

Даниил встал и начал отвечать шаг за шагом, логично и умно, разбирая решение. Он видел ту самую неочевидную закономерность, которую увидела Лиза. И объяснял ее простыми, емкими словами.

Лиза слушала, и ее внутреннее сопротивление постепенно сменилось неподдельным интересом. Он говорил, как человек, который действительно *понимает*.

— ...и таким образом, используя этот подход, мы приходим к ответу, — закончил Даниил.

Профессор Макаров помолчал пару секунд, а потом довольно кивнул, и на его обычно строгом лице появилось нечто, похожее на одобрение.

— Верно. Очень хорошо, Даниил. Отлично рассуждаешь. Садись.

В аудитории выдохнули. Кто-то начал лихорадочно записывать. Лиза же впервые за долгое время смотрела на однокурсника не как на потенциальную угрозу или часть безликой массы, а с настоящим, живым интересом. Кто он? Почему он вчера заступился за нее? И почему он, явно умный парень, предпочитает сидеть на задних рядах и не высовываться?

Звонок с пары прозвенел, как избавление. Студенты бросились к выходу, словно боясь, что профессор передумает и даст еще одно задание. Лиза, как обычно, задержалась, аккуратно складывая свои вещи в рюкзак, стараясь ни с кем не сталкиваться.

Она вышла в коридор и направилась к выходу, погруженная в свои мысли, жуя навязчивую идею о задаче и о том, как элегантно ее решил Даниил. Она так углубилась в себя, что сначала не заметила, что кто-то идет с ней рядом в том же темпе.

— Интересная задача была, да? — раздался рядом знакомый спокойный голос.

Лиза вздрогнула и обернулась. Рядом с ней шагал Даниил. Он улыбался легкой, непри-
нужденной улыбкой.

— Да... да, — смущенно пробормотала она, чувствуя, как снова краснеет. — Неожиданная.

— Профессор Макаров любит такие, — заметил он. — Чтобы не по шаблону.

Они прошли так несколько шагов в неловком молчании. Лиза не знала, что сказать. Она не привыкла к простому, человеческому общению с парнями. Ее диалоги в последние годы сводились к «Сделаю заказ», «Сдаю работу» и «Отстань от меня».

Неловкую паузу прервал он.

— Слушай, Лиза, — он произнес ее имя естественно, без панибратства и без подобострастия. — Я к тебе по делу. По тому самому проекту по матану, что Макаров в прошлый раз задал. У меня с некоторыми моментами... ну, полный завал, если честно.

Он посмотрел на нее, и в его глазах не было ни тени смущения от того, что он признается в своем «незнании».

— А я видел, ты в этом просто шаришь. У тебя конспект — просто произведение искусства. — Он сказал это без лести, просто как констатацию факта. — Не сможешь? Глянешь, что я там напортачил? Могу, в качестве взятки, кофе купить. Правда, в том самом месте, где, говорят, он не очень. — Он произнес эту фразу с легкой, ироничной ухмылкой, прямо глядя ей в глаза.

Лиза сначала насторожилась. Старая, выученная реакция — ждать подвоха, искать скрытый смысл, второе дно. Но его лицо было открытым. В голосе слышалась не насмешка, а искренняя просьба и тот самый, редкий сейчас, здоровый самоирония.

Она медленно выдохнула. Рискнуть? Поверить? Хотя бы на чуть-чуть?

— Можно... можно попробовать посмотреть, — осторожно сказала она, глядя куда-то в район своего рюкзака. — Но я не уверена, что смогу помочь.

— Сможешь, — он уверенно кивнул. — Я видел.

Потом она добавила, почти машинально: — Но кофе там и правда не ахти. Лучше в столовой взять. Или в автомате.

Он рассмеялся — тихим, добрым смехом.

— Значит, в столовой. Договорились. Когда ты свободна? Завтра после пар?

Они остановились на развилке коридоров. Один вел к выходу, другой — вглубь университета.

— Завтра... да, я свободна, — кивнула Лиза.

— Отлично. Встретимся в три в нашем кафе? На первом этаже?

— В три. Да, — она кивнула еще раз, чувствуя себя немного нелепо от этой деловой договоренности.

— Отлично. Спасибо тебе, правда. — Он улыбнулся ей еще раз, кивнул и повернул в сторону своей следующей пары.

Лиза же стояла еще несколько секунд, глядя ему вслед. Потом медленно, как во сне, повернулась и пошла к выходу.

И на ее лице, обычно таком серьезном и напряженном, впервые за долгие-долгие недели появилось выражение, которого она сама за собой не помнила. Легкая, неуверенная, почти детская улыбка тронула уголки ее губ. Она была едва заметной, робкой, словно первый луч солнца после долгой и суровой зимы, пробивающийся сквозь толщу серых туч.

Она почувствовала облегчение от того, что не все в этом мире настроено против нее. Что есть кто-то, кто видит в ней не «серую мышь», не «Золушку из общаги», не объект для насмешек, а просто человека. Однокурсницу, которая разбирается в математике.

Она вышла на улицу, и холодный осенний воздух показался ей не таким уж колючим. Она застегнула куртку и пошла в сторону общежития, и на душе у нее было странно, непривычно легко. Как будто с плеч свалился какой-то невидимый, но очень тяжелый груз.

Она не строила иллюзий, знала, что один разговор никого не меняет. Что Артём никуда не делся. Что сплетни не исчезли. Но в ее рутине выживания, в ее плотно закрытом мире появилась крошечная, но такая важная трещинка. Трещинка, сквозь которую пробился луч обычного, человеческого участия.

И этого пока что было достаточно. Достаточно, чтобы сделать этот хмурый осенний день чуточку светлее.

Дорогие мои, ваша подписка и звездочка # на Литнет — это маленький жест, но для меня он значит очень многое. Спасибо, что идёте со мной по этой истории!

Глава 13

Кабинет декана находился на последнем этаже нового корпуса — стеклянной башни, выросшей посреди университетского кампуса как памятник чьему-то тщеславию. Воздух здесь был прохладным, стерильным, пахло дорогой полировкой и выдержанным деревом. Ни пылинки, ни намёка на хаотичную, бурлящую жизнь, кипевшую этажами ниже.

Артём вышел от декана, мягко прикрыв за собой тяжелую дверь. Встреча была, как всегда, образцом показной любезности и скрытого унижения. Декан, человек с умными, усталыми глазами за стеклами очков, говорил с ним почти отечески. Интересовался успехами, планами на сессию, «трудностями адаптации» после возвращения из-за границы.

Но за каждым его словом Артём слышал голос отца. Чувствовал его незримое присутствие в этом кабинете. Это был не разговор декана со студентом. Это был отчёт вассала перед сюзереном о том, как поживает его драгоценный отпрыск. *«Да, Иван Сергеевич, всё под контролем. Ваш сын... то есть, наши студент... мы примем все меры».*

Протекция. Невидимая рука, которая вела его по жизни, устраняя препятствия и одновременно стирая любое его собственное достижение. Он был не Артём. Он был «сыном Вершинина». Дорогостоящим активом, который нужно было поддерживать в презентабельном виде.

Он прошёл по длинному, пустынному коридору. Его собственные шаги, отдававшиеся от глянцевого пола, звучали слишком громко в этой гробовой тишине. Он подошёл к панорамному окну, занимавшему всю стену, и упёрся ладонями в прохладное, идеально чистое стекло.

Внизу кипела жизнь. Студенты спешили на пары, болтали, смеялись, спорили. Они были частью этого места. Он же всегда чувствовал себя здесь чужим. Наблюдателем, заключённым в стеклянную башню своего происхождения.

Его мысли вертелись вокруг только что закончившегося разговора. Снова эти намёки. *«Отец беспокоится... Он ожидает большей отдачи... Учёба должна быть в приоритете, а не... другие активности».* «Другие активности» — это о его ночных вылазках, о скандалах, которые отец тут же заминал. Отец не запрещал. Он выражал «беспокойство». И это было в тысячу раз унижительнее.

Он достал телефон, бесцельно пролистал ленту. Ничего. Пустота. Тоска, знакомая до тошноты. Он задержался взглядом на случайной фотографии в памяти — том самом кафе. Её испуганное, бледное лицо. Почему-то именно этот образ цеплял его. Напоминал о чём-то настоящем. О боли, которая была хотя бы честной.

Его взгляд, скользивший по двору без интереса, вдруг зацепился. Сфокусировался.

Внизу, у входа в старый, обшарпанный корпус, стояла она. Иванова.

И с ней был кто-то. Незнакомый парень. Высокий, в простом тёмном худи, с рюкзаком за плечом. Они о чём-то разговаривали.

Артём нахмурился, вглядываясь. Кто это? Он не узнавал лица. Не из его круга. Не из тех, кто тусовался на его вечеринках или подлизывался в надежде на выгоду. Обычный студент. Ничем не примечательный.

Но дело было не в нём. Дело было в ней. Она улыбалась.

Не так, как в кафе — напряжённо, зажато. Не так, как в школе — испуганно и подбострастно. Она улыбалась по-другому, смущённо, опустив глаза, но... искренне. Она что-то говорила, кивала, и на её обычно бледных щеках играл румянец. Она выглядела... обычной. Живой. Совершенно обычной девушкой, которая разговаривает с симпатичным ей парнем.

Всё его нутро вдруг сжалось в один тугой, холодный комок. Лёгкая скука, тоска, отворачивание — всё это испарилось в один миг. Его сознание, ещё секунду назад блуждавшее в тумане собственного недовольства, с резкой, почти болезненной чёткостью сконцентрировалось на этой картинке внизу.

С кем это она? — промелькнула первая, почти недоуменная мысль.

Он впился в них взглядом. Его поза из расслабленной стала собранной, готовой к броску. Брови сдвинулись, взгляд стал жёстким, пристальным. Он чувствовал, как по спине бегут мурашки.

Он видел, как парень что-то говорит, и она слушает. Не отворачивается, не замыкается в себе, не сжимается в комок ожидания удара. И улыбается этой своей новой, незнакомой улыбкой.

Кто он? Что он ей такого сказал? Что может говорить этот невзрачный парень в дешёвой одежде, что заставляет её так реагировать? Чем он может быть интересен? Деньгами? Статусом? Связями? Нет. У него ничего этого нет. Это видно за версту. Он — никто.

Значит, что? Они просто... разговаривают? И ей это нравится? Она может вот так просто — разговаривать и улыбаться? Без его разрешения?

В голове что-то щёлкнуло. Включился какой-то древний, животный инстинкт. Чувство, которое было глубже и примитивнее злости.

Это было чувство нарушения порядка. Его порядка. Порядка, в котором он был центром. В котором её роль была чётко определена — быть его антиподом, его жертвой, его напоминанием о том, что он всё ещё может кого-то контролировать.

Она была его. Не в смысле желания или собственности. Она была его проблемой. Его занозой. Его личным проектом. И теперь какой-то посторонний, случайный человек влезал в это. В его историю. Нарушал правила его игры.

Парень, похоже, прощался. Сказал что-то ещё, и затем — Артём увидел это совершенно отчётливо — он легко, почти небрежно, коснулся её локтя. Мимолётное, дружеское прикосновение.

Она не отпрянула, не отшатнулась, как от огня. Она кивнула в ответ, и её улыбка стала чуть шире, теплее.

Парень развернулся и ушёл, растворившись в толпе. А она осталась стоять на месте. Смотрела ему вслед и на её лице всё ещё было это выражение — мягкое, задумчивое, человеческое. То самое, которого Артём у неё никогда не видел. Которое, он был уверен, у неё просто не могло быть.

И тогда это случилось.

Тихая, холодная ярость, с которой он всегда жил и которой умел управлять, вдруг вырвалась на свободу. Это была не рассчитанная злоба, не холодное желание причинить боль, а слепое, бессмысленное, животное бешенство.

Его пальцы с такой силой сжали корпус телефона, что хрупкий аппарат жалобно затрещал. Боль от впивающихся в ладонь острых граней была единственным якорем в нарастающем вихре.

С кем? — пронеслось в голове, уже без вопроса, с одной лишь яростью. Кто этот никто? Как он смеет? Как она смеет? Смотреть так? Улыбаться? Ему? Какому-то... нищему? Как она может улыбаться ему, а мне...

Мысль оборвалась. Это было оскорблением. Глубоким, личным оскорблением. Её улыбка, её расслабленная поза, этот дурацкий взгляд вслед — всё это было плевым в его лицо. Она не имела права быть счастливой. Не имела права получать что-то хорошее от кого-то другого. Особенно от такого.

Его телефон завибрировал в сжатой руке — на экране всплыло имя отца. Вероятно, декан уже доложил о встрече. Артём сбросил вызов. Ему было плевать.

Он стоял, тяжело дыша, уставившись в стекло, но не видя больше ничего. Весь мир сузился до одного образа: её улыбки, обращённой не к нему.

Мягкое, тёплое выражение на её лице жгло его сильнее любой насмешки. Оно доказывало, что всё, что он делал, всё его влияние, его сила, его деньги — не имели над ней той вла-

сти, на которую он рассчитывал. Что она может быть счастлива вопреки ему. Она была живым укором его собственному бессилию, его тотальной, всепоглощающей несвободе.

Он медленно разжал онемевшие пальцы. На идеально ухоженной ладони краснели глубокие следы от ногтей. Он провёл рукой по лицу, смывая с него маску ярости, и его черты снова стали гладкими, холодными, нечитаемыми. Но внутри всё кипело и бурлило.

Он посмотрел вниз в последний раз. Лиза уже ушла.

Но что-то изменилось. Игра перестала быть просто игрой для удовольствия. Он должен доказать ей, этому нищему, самому себе, всему миру, что он всё ещё может всё контролировать. Что он — хозяин положения. Как того и ожидал его отец.

Он развернулся и пошёл прочь от окна. Первым делом — выяснить, кто этот парень. А потом... потом он напомним им обоим. Напомним, что у всего есть своя цена. И что за нарушение правил приходится платить.

Глава 14

Глава 14: Ночные признания

Комната в общежитии погрузилась в ночную тишину, нарушаемую лишь мерным гулом холодильника да отдаленным гулом машин за окном. На столе, заваленном конспектами и учебниками, горела настольная лампа, отбрасывая теплый кружок света на лицо Лизы. Перед ней лежал раскрытый том по высшей математике, но глаза скользили по формулам, не цепляясь за смысл. Пальцы её не выводили аккуратные строчки, а перебирали тонкую серебряную цепочку на шее, нащупывая знакомый контур маленького крестика.

Она смотрела в окно. За стеклом, в обрамлении дешевой пластиковой рамы, лежал ночной город — море холодных огней, чужих жизней, далеких и непостижимых. Сегодняшний день чувствовался на ней, как грязная плёнка. Слова Даниила, его простая, человеческая доброта, его шутка про кофе — всё это было таким неожиданным, таким чужим, что вызывало не радость, а глухую тревогу. Хорошее в её жизни всегда оказывалось предвестником чего-то страшного. Как будто за ним непременно должно было последовать возмездие за эту несанкционированную радость.

Дверь скрипнула, впуская в комнату порцию свежего, прохладного воздуха и Катю. От подруги пахло ноябрьской свежестью, духами и лёгким дымком — она явно где-то гуляла. Катя скинула куртку, швырнула её на стул и, увидев Лизу за столом, сразу насторожилась.

— Лиз? Ты как? — её голос, обычно такой громкий и уверенный, стал тише, осторожнее. — Что опять такое? Опять он?

Лиза не ответила. Она просто сильнее сжала в пальцах крестик, чувствуя, как металл впивается в кожу.

Катя вздохнула, подошла и присела на край её кровати. Пружины жалобно затрещали.

— Слушай, я серьёзно, — Катя положила руку ей на плечо. — Ты должна мне говорить, если он опять к тебе лезет. Я не шучу. Мы с ребятами можем с ним «поговорить». Серёга из группы мужик адекватный, он не побоится. Скажем, чтобы отстал.

Лиза медленно покачала головой, всё ещё не глядя на подругу.

— Нет, Кать. Не надо. Это бесполезно.

— Как это бесполезно? — Катя не понимала. В её мире всё решалось просто: если кто-то обижает — дать сдачи, если проблема — решить её силой, словом или наглостью. — Его просто поставить на место надо! Объяснить, что ты не одна!

— Он не из тех, кого можно «поставить на место», — тихо, почти шёпотом, сказала Лиза. — Это только хуже сделает. Для всех.

Наступила пауза. Гудел холодильник. За окном просигналила машина. Катя ждала, чувствуя, что за этим молчанием скрывается что-то большое и тёмное.

И Лиза заговорила. Не глядя на Катю, уставившись в тёмное окно, за которым мерцали огни.

— Он... это не просто мудака, Кать, — её голос сорвался на первой же фразе, стал низким, хриплым. — Это из... из прошлого.

Она замолчала, сглотнув ком в горле. Катя не перебивала, затаив дыхание.

— Мы учились в одной школе, — продолжила Лиза, и её слова были скупыми, обезличенными, будто она рассказывала не о себе, а о постороннем человеке. — В частной. Меня туда... по программе взяли. Для одарённых. Из бедных семей.

Она горько усмехнулась, но в звуке не было веселья.

— Он там был... богом. Капитан хоккейной команды, у него всё было, все его боялись и обожали одновременно. А я... я была для всех лузером. Серая мышка. Не от мира сего. И он... он выбрал меня. Своим объектом для издевательств.

Она снова замолчала. Память, как разбуженный зверь, рванулась из темноты, накрывая её с головой.

Воспоминание

Она сидела на холодных бетонных ступеньках у спортзала, согнувшись, стараясь стать как можно меньше. В руках она сжимала потрёпанную папку со своими рисунками — единственное её убежище, её частный мир, который она всегда прятала от посторонних глаз. Сегодня не успела. Отвлеклась.

Тень упала на неё, длинная и тяжёлая. Она подняла голову. Перед ней стоял Артём. В хоккейной форме, весь потный, возбуждённый после тренировки. От него пахло льдом, мужским потом и чем-то ещё — агрессией, разгорячённой кровью. Вены на его мощных предплечьях вздулись. Взгляд был тяжёлым, липким, изучающим.

— Тебе бы на обложку «Playboy», Лисичка, — хмыкнул он, наклоняясь так низко, что она почувствовала его дыхание на своей коже. — Или ты уже пробовалась? Где-то на задворках, может. Для местного сайта. Я бы нашёл. Посмотрел бы.

Лиза дёрнулась, инстинктивно прижала папку к груди, но он резким, точным движением выхватил её.

— Эй! — её собственный голос прозвучал слабо и испуганно.

— Расслабься. Просто хочу понять, что ты тут срисовываешь — меня, что ли? — Он развернул папку, и его взгляд упал на быстрый скетч — силуэт хоккеиста в динамике, сделанный несколько дней назад. Он хмыкнул, и в звуке послышалось удовлетворение. — Скажи честно, ты на меня пялишься на тренировках, да? Всё ждёшь, когда я тебя замечу?

— Отдай, — выдохнула она, и глаза её наполнились предательскими слезами. Унижение жгло изнутри.

— Не знал, что ты такая скрытная извращенка, — усмехнулся он, листая её рисунки, её душу. — Знаешь, мне даже приятно. Хотя ты бы могла просто сказать — я бы не отказался немного поиграть. Или ты любишь жёстко? С клюшкой, может?

В этот момент в спортзал вошла Алиса, ее одноклассница. Увидев картину, она замерла на секунду, а затем решительно направилась к ним. Лиза никогда не видела на её обычно спокойном лице такого выражения — холодной, собранной ярости.

— Ты в своём уме? — бросила Алиса, подходя вплотную. Её голос был тихим, но стальным. — Или ты только на девочках умеешь самоутверждаться?

Артём медленно выпрямился. Его взгляд скользнул по новой жертве с тем же хищным, оценивающим интересом.

— О, заступница нарисовалась. Я и думал, когда ты покажешь зубки. Матвей в курсе, что ты его место заняла? Или вы теперь вдвоём делите трон? — Он кивнул на Лизу, которая сидела, вжавшись в стену.

— Не смей так с ней говорить, — тихо, но очень чётко сказала Алиса. — Ни со мной, ни с ней.

— Ты чего, приревновала? — Артём сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию до нуля. Его дыхание пахло мятной жвачкой и адреналином. — Или тебе тоже хочется немного грубости? Я умею быть разным. Можешь проверить, если уж защищаешь её так отчаянно. Хотя, может, вы вдвоём?

Лиза вскрикнула, рывком поднялась и попыталась уйти, но он снова, почти небрежно, перегородил ей путь.

— Ну-ну, не спеши. Мы же просто разговариваем, да? Я ведь даже не прикоснулся... пока.

Алиса сжала кулаки. Её лицо побелело.

— Убери от неё руки. Немедленно.

Конец воспоминания

Лиза вздрогнула, вынырнув из воспоминания. Она сидела в своей комнате, в безопасности, но по спине у неё ползли ледяные мурашки. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться.

— Он тогда был главным, — прошептала она, возвращаясь к рассказу, но уже без сил. — А я была для всех лузером, серой мышкой. И сейчас, видимо, он просто решил, что ничего не изменилось. Что всё можно начать с того же места.

Она не плакала. Её голос был ровным, почти бесстрастным, ледяным. И от этого спокойствия становилось ещё страшнее.

Катя слушала. Всё её обычная бравада, её уверенность, её готовность тут же броситься в бой — всё это медленно уходило, сменяясь осознанием масштаба проблемы. Это был не просто конфликт с зазнавшимся мажором. Это была старая, глубокая, отравляющая всё травма. Война, которая шла годами, и её подруга всё это время проигрывала в одиночку.

Она молча встала, обняла Лизу за плечи и притянула к себе. Лиза сначала напряглась, её тело стало деревянным, а потом обмякла, позволив себя обнять.

— Ясно, — тихо сказала Катя, глядя куда-то поверх головы подруги. Её голос был твёрдым. — Просто мудак тогда. Обыкновенный, патологический мудак.

Она помолчала, крепче сжимая плечи Лизы.

— Но мы ему этого так не оставим. Я не знаю пока как, но... мы не оставим.

И впервые за весь вечер Лиза почувствовала, как что-то тяжёлое и тёмное внутри неё чуть-чуть сдвинулось с места. Она была не одна. Наконец кто-то знал всю правду и был на её стороне.

Это было мало. Но это было что-то.

Если вам понравилась глава, не забудьте подписаться и отметить роман звездочкой #. Ваша поддержка вдохновляет меня писать быстрее и делиться с вами продолжением!

Глава 15

Лаундж-бар «Эклипс» был одним из тех мест, где ночь стояла дороже, чем иная месячная зарплата. Воздух здесь был густым и сладким, пропитанным ароматами дорогих духов, выдержанного виски и сигарного дыма. Со стен, отделанных тёмным бархатом, на посетителей взирали абстрактные полотна, подсвеченные точечными светильниками. Глубокий, вибрирующий бас электронной музыки не оглушал, а будто обволакивал, создавая иллюзию приватности при полном помещении. Здесь всё было продумано для того, чтобы состоятельные гости чувствовали себя избранными, особенными, отгороженными от банальной реальности за тяжелыми дверями.

Лучший стол, в глубине зала, на низких платформах с мягкими диванами, занимала их компания. Бутылки шотландского виски и французского шампанского стояли в ведрах со льдом, словно самые обыденные вещи. Девушки, окружавшие стол, были прекрасны, как отборные цветы — ухоженные, стильные, с идеальными улыбками и томными взглядами, скользившими по Артёму с особым, заинтересованным вниманием. Макс что-то громко рассказывал, размахивая руками, Вадим подобострастно смеялся, подливая ему и себе выпивку. Казалось, идиллическая картина богатой, беззаботной молодости.

Но один элемент выбивался из этой гармонии.

Артём сидел, откинувшись на спинку дивана, почти неподвижно. Перед ним стоял полный стакан виски, лёд в котором уже почти растаял, но он к нему не прикасался. Его поза была расслабленной, но в этой расслабленности чувствовалась не отдыхающая усталость, а глухое, напряжённое отчуждение. Он не смотрел на окружающих. Его взгляд был устремлён в экран смартфона, который он держал в руке.

Он не просто листал ленту. Он вёл охоту.

Его пальцы механически скользили по стеклу, пролистывая бесконечные сторис знакомых и незнакомых людей. Яхты, клубы, покупки, селфи. Мир, идентичный тому, что его окружал сейчас. Но его глаза, холодные и пристальные, выхватывали не это. Он задерживался на фотографиях с университетских мероприятий, на тегах локаций, связанных с вузом. Он искал её. Или его, того парня.

Он зашёл в университетские чаты, в общие альбомы. Его сознание, обычно пресыщенное и скучающее, работало с лихорадочной концентрацией. Каждое женское лицо на групповых фото он проверял с дотошностью сыщика. Вот она, мелькнула на заднем плане, на каком-то субботнике. Стоит с метлой, в старой куртке, отвернувшись. Ничего. Следующее фото. Вечеринка в клубе. Её там нет. Конечно нет.

Потом он переключился на поиск по имени. «Даниил». Фамилии он не знал. Прокрутил список студентов на факультете. Ничего не узнал. Парень был никем. Призраком.

Эта мысль — что он, Артём Вершинин, тратит своё время на поиски какого-то нищего студента, который даже следа в цифровом пространстве не оставил — должна была бы взбесить его. Но вместо злости он чувствовал лишь нарастающее, гнетущее раздражение. Как будто он играл в шахматы, а противник взял и спрятал одну из своих фигур. Нечестно. Нарушение правил.

— Вершинин, ты чего букой сидишь? — громкий, уже изрядно подвыпивший голос Макса пробился сквозь гул музыки и разговоров. Тот ткнул его локтем в плечо. — Расслабься! Смотри, вон, какая телка на тебя пялится. Рыжая, у барной стойки. Видишь? Огонь же.

Артём даже не повернул голову. Его взгляд оставался прикованным к экрану. Он увеличил очередное размытое фото с какого-то семинара, пытаясь разглядеть лица на заднем плане.

— Артём, ты меня слышишь? — Макс наклонился ближе, и от него пахло дорогим коньяком и сигаретами. — Эй, брось ты свой телефон. Живи настоящим, блин.

Артём медленно, очень медленно поднял на него глаза. Он смотрел на Макса, но словно не видел его, его мысли были далеко за пределами этого бара, этой ночи.

Макс, привыкший к его холодности, на этот раз смутился. Он отступил на сантиметр.

— Ладно, не надо смотреть, как на привидение, — пробормотал он, но уже тише, без прежней развязности. Он опустил голос до конфиденциального шёпота, наклонившись так, чтобы слышали только они двое, хотя Вадим тут же насторожил уши. — Слушай, брось. Забей на ту свою... серую мышь. Ну, правда. Надоела — иди возьми любую отсюда. — Он небрежным жестом кивнул на девушек, окружавших их стол. — Их тут, понимаешь, полно. На любой вкус. Веселее будут. А эта... Ну, что в ней такого-то?

Артём не ответил сразу. Он помолчал, его взгляд всё так же был устремлён в пустоту, но теперь в нём появилась концентрация. Мрачная, сосредоточенная.

— Отстань, Макс, — произнёс он наконец. Его голос был тихим, без интонации, но каждое слово прозвучало с металлической чёткостью. — Это моё дело.

В этих трёх словах было столько окончательности, столько запрета на дальнейшие расспросы, что даже Макс, обычно не отличавшийся тонким восприятием, понял — линия пересечена. Он откинулся на диван, развёл руками в показном недоумении.

— Ну ладно, ладно! Твоё дело. Сиди, хмурься. Как с похорон вернулся.

Артём больше не смотрел на него. Его внимание снова вернулось к телефону. Но теперь он уже не искал. Он просто смотрел на одно, случайно найденное фото. Старое, ещё школьное, выложенное кем-то из одноклассников. На нём была она. Лиза. Стоит у доски, с мелом в руке, лицо бледное, испуганное. А на заднем плане, с краю, сидел он, Артём, и смотрел на неё с тем самым, знакомым до тошноты, выражением скупающей жестокости.

Он видел разницу. Между тем испуганным ребёнком на фото и той, что сейчас улыбалась какому-то нищему. Она изменилась. Стала сильнее? Или просто нашла кого-то, кто дал ей иллюзию силы? Это не имело значения. Важно было то, что это изменение произошло без его участия. Более того — вопреки.

Он отодвинул от себя стакан с виски. Движение было резким, почти отрывистым. Лёд звонко застучал о хрусталь.

— Я поехал, — коротко бросил он, поднимаясь с дивана.

За столом на секунду воцарилась неловкая тишина. Девушки переглянулись. Вадим замер с бутылкой в руках. Макс хотел что-то сказать, какую-то шутку, чтобы разрядить обстановку, но увидел лицо Артёма и промолчал.

Артём не стал ни с кем прощаться. Он просто развернулся и пошёл к выходу, его высокая, прямая фигура легко рассекала толпу. Люди невольно расступались перед ним, чувствуя исходящую от него волну холодной, сосредоточенной энергии.

Он вышел на улицу. Ночной город обрушился на него какофонией звуков и света. Рев моторов, гул голосов, неоновые вывески, отражающиеся в мокром асфальте. Резкий, холодный воздух ударил в лицо, но не принёс облегчения.

Он остановился, прислонившись к стене здания, и закурил. Руки его были чуть влажными, и он с удивлением заметил лёгкую дрожь в пальцах. Он сделал глубокую затяжку, чувствуя, как дым обжигает лёгкие.

На его лице не было ни злости, ни ярости, лишь абсолютная, тотальная сосредоточенность. Его взгляд был устремлён куда-то внутрь себя, на ту единственную точку, которая теперь занимала всё его сознание.

Одержимость.

Это было именно оно. Не интерес, не месть, не скука. Это была навязчивая идея, въевшаяся под кожу, в мозг. Он не мог выбросить из головы этот образ: её улыбку, обращённую к другому. Это было как заноза. Небольшая, почти незаметная, но постоянно напоминающая

о себе острой, ноющей болью. Она нарушала его внутренний порядок. Его представление о мире, в котором всё было под его контролем или могло быть подчинено.

Он мысленно возвращался к их последней встрече в аудитории. К её слезам, к её унижению. Это было правильно. Это было по правилам. А что сейчас? Она позволила себе забыть. Решила, что может жить своей жизнью.

Он швырнул недокуренную сигарету под ноги и раздавил её каблуком с такой силой, будто это было живое существо.

Игра, которую он считал простой и предсказуемой, внезапно перешла на новый уровень. Появился новый игрок. Неравноценный, никчёмный, но игрок. И это меняло всё.

Он достал телефон и набрал номер человека, который решал «технические» вопросы. Который мог узнать всё о ком угодно.

— Алло, — его голос прозвучал ровно, холодно, деловито. — Мне нужна информация на одного человека. Студент нашего университета. Имя — Даниил. Факультет, похоже, наш, экономический. Фотографии нет. Нужно найти всё. Группу, расписание, место жительства, круг общения. Да, срочно.

Он положил трубку, не прощаясь. План начинал вырисовываться. Сначала узнать всё о сопернике. Понять его слабые места. А потом... потом он решит, как поступить. Но одно он знал точно.

Она не имела права улыбаться кому-то другому. Не имела права быть счастливой. Её место было в тени. В тени, которую отбрасывал он.

Он посмотрел на своё отражение в тёмной витрине магазина. Бледное, искажённое неоновым лицом с горящими глазами. В них не было ни капли прежней скуки. Была лишь одна, всепоглощающая мысль.

Игра только начиналась. И на этот раз он будет играть до конца. Каким бы этот конец ни был.

Глава 16

Комната в общежитии погружалась в предвечерние сумерки. За окном ноябрьский ветер гонял по асфальту жухлые листья, и серый свет едва пробивался сквозь занавеску, купленную Катей в ближайшем супермаркете. Лиза сидела за своим столом, уткнувшись в учебник по математическому анализу. Страницы были испещрены ровными строчками выкладок, но сегодня формулы не складывались в стройную картину. Буквы и символы плясали перед глазами, не желая подчиняться логике. В голове стоял гул — отзвук вчерашнего разговора с Катей, отголоски старых страхов и тревожная, едва уловимая нота чего-то нового, что принёс с собой Даниил.

Дверь распахнулась с привычным для Кати напором, впуская в комнату порцию холодного воздуха и её саму — розовощекую, запыхавшуюся, с огромной сумкой из секонд-хенда, набитой под завязку.

— Ну вот, почти всё! — выдохнула она, сгружая сумку на свою кровать. Оттуда показались отблески чего-то блестящего, чёрного и струящегося. — Не веришь, но я даже туфли на каблуке нашла. Правда, убитые в хлам, но для одного вечера сойдёт.

Лиза не отрывалась от учебника, делая вид, что не слышит. Она знала, к чему всё это идёт. День рождения Сергея с их потока был главной темой разговоров уже неделю.

Катя, не дождавшись ответа, подскочила к её столу и выдернула учебник из-под рук.

— Лиз! Хватит уже в эти закорючки упираться! Смотри, какое платье я тебе притащила! — Она потрясала перед её лицом чёрным платьем с пайетками, которое выглядело так, будто пережило несколько войн и вечеринок.

Лиза вздохнула, откинулась на спинку стула. Усталость давила на виски.

— Кать, я же сказала. У меня завтра тест. Важный. Никуда я не пойду.

— Как это «никуда»? — Катя сделала круглые глаза, изображая шок. — Серёга нормальный пацан! Он лично звал, всех наших ждёт! Это же будет легендарно! Он шикарную дачу снял, танцы до утра!

— Я рада за Серёгу, — Лиза попыталась вернуть учебник, но Катя не отдавала. — Но мне действительно надо готовиться. Ты же знаешь, как Макаров заваливает.

— Знаю, знаю я твоего Макарова, — Катя махнула рукой, отбрасывая все аргументы. — Но один вечер! Один вечер, Лиз! Ты что, из-за этого козла Вершинина всю оставшуюся жизнь из комнаты не будешь выходить?

Имя, произнесённое вслух, повисло в воздухе, как удар хлыста. Лиза вздрогнула, её лицо стало на мгновение абсолютно безжизненным. Катя заметила это, и её напор немного ослаб. Она присела на край Лизкиной кровати, положив платье рядом.

— Слушай, — её голос стал серьёзнее. — Я понимаю. Правда, понимаю. Но он не бог, в конце концов. Чтоб из-за него все тусовки избегать, жизнь себе отравлять! Мы все будем рядом. Ребята. Я. Он не посмеет к тебе подойти.

Лиза молчала, глядя в окно на гаснущее небо. Страх был физическим, тёплым и тяжёлым комком в животе. Мысль о том, чтобы оказаться в шумной, пьяной толпе, где он мог появиться в любой момент, вызывала приступ тошноты. Она представляла себе его взгляд, холодный и насмешливый, находящий её в толпе. Его улыбку.

Но с другой стороны... Катя была права. Нельзя же всю жизнь прятаться. Нельзя позволять ему отнимать у неё всё. Этот страх уже отнял у неё школу. Отнимал покой. Теперь он хочет отнять и простые, глупые, но такие важные для её возраста вещи — друзей, вечеринки, ощущение, что она живет, а не существует.

Она колебалась. Эта внутренняя борьба была написана у неё на лице.

Катя, видя её слабинку, нанесла решающий удар. Она сказала то, во что сама свято верила, чтобы убедить подругу.

— Лиз, ну посуди сама. Он там точно не будет! — она сказала это с такой уверенностью, что казалось, она лично проверила гостевой список. — Серёга — свой парень, из общаги. А Вершинин? Он с такими не тусуется! Его тусовки — это какие-нибудь закрытые клубы с шампанским за сто тысяч. Ему на нашу пьянку в съёмном доме даже смотреть-то противно. Он там точно не появится. Сто процентов!

Логика в этих словах была. Железная. Артём Вершинин на дне рождения скромного студента из провинции? Это было так же невероятно, как его появление в их кафе. Катя была права. Он парил в других слоях атмосферы.

Лиза медленно выдохнула. Страх отступил на шаг, уступая место усталости от постоянного сопротивления, от вечного «нет».

— Ладно, — тихо сказала она, сдаваясь. Слово далось ей с трудом. — Ладно. Но ненадолго. Час. Максимум два. И я не буду пить.

Катя всплеснула руками, её лицо озарилось победной улыбкой.

— Ура! Договорились! Час, два, как захочешь! Главное — выйдешь в свет! — Она бросилась обнимать подругу, та отнеслась к этому с привычной стоической терпимостью. — Увидишь, всё будет офигенно! Я тебя так накрашу, что сам Серёга в тебя влюбится!

Лиза слабо улыбнулась в ответ. Облегчения она не чувствовала. Была лишь глухая тревога, которую она старалась загнать поглубже. *Катя права, она права*, — повторяла она про себя. *Его там не будет*.

Ночь опустилась над городом плотной, непроглядной пеленой. В комнате было тихо. Катя ушла «на предварительные посиделки», оставив Лизу одну. Та сидела за столом, пытаясь заставить себя учиться. Но концентрация была нулевой. Мысли путались, возвращаясь то к завтрашнему тесту, то к предстоящей вечеринке, то к тому, как странно и легко было сегодня на паре обсуждать с Даниилом тот самый проект. Его спокойный голос, его умные, внимательные глаза...

Резкий, вибрирующий звук разорвал тишину. Лиза вздрогнула, отброшенная от своих мыслей. Её сердце ёкнуло. Она посмотрела на телефон, лежащий на столе. Экран светился холодным синим светом. Неизвестный номер.

Кто это может быть в такой час? Катя? Может, с какого-то чужого телефона? Или... из деканата? Неужели что-то случилось?

С замирающим сердцем она потянулась к телефону и провела пальцем по экрану.

— Алло? — её голос прозвучал неуверенно в тишине комнаты.

В ответ — тишина. Но не полная. Она услышала ровное, чуть слышное дыхание в трубке. Кто-то слушал. Кто-то был на той стороне и молчал.

— Алло? — повторила она громче, уже с ноткой раздражения и страха. — Кто это?

Молчание. Только это ровное, мерное дыхание. Оно было каким-то... безжизненным. Не спящим, не рассеянным. Целенаправленным.

Ледяная струя пробежала по её спине.

— Говорите, пожалуйста, или я кладу трубку.

Ничего. Только дыхание. Оно стало чуть громче, будто микрофон поднесли ближе ко рту. И тут её осенило. Это он.

Мысль ударила с такой силой, что у неё перехватило дыхание. Это его молчание. Его дыхание. Он знал её номер. Он звонил ей. Сидел где-то в своей роскошной квартире и просто слушал, как она дышит в ответ, как пугается.

Паника, холодная и липкая, поползла из живота к горлу. Рука, сжимающая телефон, задрожала.

Но потом... потом включился разум. Разум, закалённый годами борьбы за выживание.

Стоп. Подожди. Это не может быть он. Откуда у него её номер? Она его нигде не оставляла. В университетских документах указан старый, мамин. Новую сим-карту она покупала на себя уже здесь. Это чей-то розыгрыш. Или неправильно набрали номер. Или... автоматический звонок. Да, бывает же такое. Сбой.

Она с силой нажала на красную кнопку, разрывая соединение. Комната снова погрузилась в тишину, но теперь эта тишина была зловещей. Она сидела, не двигаясь, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Оно билось где-то в горле, громко, неровно.

«Успокойся, — сказала она себе строго. — Это не он. Ты сама себя накручиваешь. Катя права — ты из-за него уже везде видишь угрозу. Это просто ошиблись номером. Или пьяные однокурсники балуются».

Она попыталась вернуться к учебнику, но буквы расплывались перед глазами. Она встала, подошла к окну, отодвинула занавеску. Во дворе общежития горели фонари, освещая пустые скамейки и промозглые кусты. Никого. Тишина.

Она ляжет спать. Всё это ерунда. Завтра утром она проснётся, и сама посмеётся над своей паранойей.

Она легла в кровать, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Но сон не шёл. Перед глазами стояло светящееся табло телефона с незнакомым номером. В ушах звучало то самое ровное, безжизненное дыхание.

Она ворочалась с боку на бок, прислушиваясь к каждому шороху в коридоре. Ей казалось, что за дверью кто-то стоит. Что он стоит и молча слушает. Его незримое присутствие заполнило комнату, стало густым и удушающим, как смог.

Она пролежала так до самого утра, глядя в потолок широко раскрытыми глазами. Страх, который она так старалась загнать внутрь, вырвался на свободу и сидел на её груди, тяжёлый и неумолимый. Все логичные доводы Кати, все её собственные попытки самоуспокоения разбились о один-единственный, простой и жуткий факт.

Он никуда не делся. Он был здесь. Где-то рядом. И его игра только начиналась. А её «вынужденное согласие» на вечеринку теперь казалось не шагом к свободе, а ловушкой, в которую она угодила по своей же глупости.

Глава 17

Коттедж оказался на отшибе, в каком-то дачном посёлке, погружённом в ноябрьскую темень. Издалека он был похож на одинокий корабль, плывущий в море ночи, — из его окон лился яркий, неестественный свет, а оттуда доносились приглушённые удары баса. Музыка, мощная, с рвущимися вперёд битами и агрессивным читкой, росла с каждым шагом, приближаясь к дому.

Войдя внутрь, Лиза почувствовала, как её накрывает волной звука и тепла. Воздух был густым, спёртым, пахло дешёвым пивом, чипсами, парфюмом и потом. Людей было битком — студенты заполонили всё пространство первого этажа, теснясь в проходах, сидя на подоконниках, крича друг другу что-то прямо в уши. Где-то в гостиной толпились танцующие, их тени причудливо изгибались на стенах под светом цветной гирлянды.

Лиза замерла у входа, чувствуя себя чужеродным телом, заброшенным на чужую, шумную планету. Она сжала в руке банку с колой, которую ей сунули при входе, как пропуск. Её чёрное платье с пайетками, которое Катя сочла «шикарным», вдруг показалось ей ужасно кричащим и нелепым. Оно было немного великовато, пайетки цеплялись за всё подряд, и она чувствовала себя не Золушкой на балу, а переодетой офисной мышкой на карнавале.

Катя, сияющая и раскрасневшаяся, тут же схватила её за руку.

— Ну наконец-то! Нечего тут в сторонке торчать! Смотри, какой движ!

— Кать, я... я просто постою, — попыталась возразить Лиза, но её голос потонул в грохоте музыки.

— Ничего подобного! — Катя уже тащила её в сторону импровизированного бара, наскоро сколоченного из досок и накрытого скатертью. — Выпьешь чуть-чуть, расслабишься! Серёга где-то тут, сейчас найдём!

Через пару минут Лиза сжимала в руке уже не колу, а пластиковый стаканчик с какой-то розовой, сладковатой гадостью. «Джин-тоник, не бойся, лёгкий!» — крикнула ей Катя, прежде чем умчаться к кому-то из знакомых. Лиза сделала маленький глоток. Жидкость обожгла горло, но потом по телу разлилось тепло. Она прислонилась к стене, стараясь быть как можно незаметнее, и наблюдала.

Она видела знакомые лица с потока. Девушки смеялись, заливаясь звонким, немного искусственным смехом, парни размахивали руками, что-то доказывая. Всё это было так далеко от её привычного мира тишины, учебников и одиночества. Ещё глоток. Тепло стало приятным. Может, Катя права? Может, один вечер можно просто попытаться забыть?

Катя снова появилась рядом, уже с новым стаканчиком.

— Ну что, полегчало? Пошли танцевать!

— Я не умею, — искренне испугалась Лиза.

— Да тут все не умеют! Просто дрыгайся в такт!

И она потащила её в гушу танцпола. Первые секунды Лиза стояла, как вкопанная, чувствуя на себе десятки взглядов. Потом, поддавшись общему ритму и давлению Кати, она начала неуверенно двигаться. Музыка оглушала, тела вокруг раскачивались, и постепенно, очень медленно, скованность начала отпускать. Ещё один глоток из нового стаканчика, который кто-то

подсунул ей в руку. Голова закружилась приятно, тревога отступила на второй план. Она даже улыбнулась Кате, и та ответила ей восторженным криком.

И в этот самый момент её будто пронзило током.

Острое, физическое ощущение чуждого, пристального внимания. Тяжёлый, буквально ощущаемый кожей взгляд. Он был таким интенсивным, что у неё перехватило дыхание.

Она медленно, почти против воли, обернулась.

И увидела его.

В полумраке, у арочного прохода в кухню, прислонившись к косяку, стоял Артём Вершинин.

Он был одет не так, как все вокруг — в тёмные, идеально сидящие джинсы и простую чёрную водолазку, но на нём это выглядело как костюм для выхода в свет. Рядом с ним стояли двое парней так же дорого одетых — с холодными, оценивающими глазами и дорогими часами на запястьях. Девушки из их компании, яркие и ухоженные, что-то им говорили, но Артём не слушал.

Он смотрел. На неё.

Его лицо было каменной маской, не выражающей никаких эмоций. Но его взгляд... Он был... тактильным. Он медленно, с невероятной, унижительной медлительностью скользил по её фигуре, по этому дурацкому чёрному платью с пайетками. Он изучал каждую линию, каждую складку ткани. Это был взгляд собственника, оценивающий свой актив. От этого взгляда ей захотелось закрыться руками, спрятаться. Она почувствовала себя голой, выставленной на всеобщее обозрение.

Их взгляды встретились. На секунду. В его глазах не было ни удивления, ни злорадства. Была лишь полная, абсолютная уверенность. Он знал, что она здесь. Он пришёл сюда именно для этого.

Затем он сделал едва заметное движение. Поднял свой бокал — она заметила, что он был наполнен водой — и сделал едва уловимый жест в её сторону. Жест хозяина, отмечающего свою добычу. *«Вот она. Моя»*. И он чуть заметно кивнул, как будто подтверждая некий договор, о котором знал только он.

Лизу бросило в жар, а потом в ледяной пот. Вся расслабленность, всё лёгкое опьянение испарились в один миг, оставив после лишь чистый, концентрированный ужас. Катя врал. Она врал, что его здесь не будет. Или... или он появился здесь специально. Знал. Следил.

Она отвернулась, вжалась в толпу, стараясь скрыться. Но ощущение его взгляда не отпустило. Оно было как прицельный лазер, горящий у неё на спине.

С этого момента вечеринка превратилась для неё в кошмар наяву. Она уже не могла расслабиться. Каждый её глоток из стаканчика был теперь не для веселья, а для того, чтобы заглушить нарастающую, паническую дрожь внутри. Она пила быстро, почти не закусывая, и алкоголь ударял в голову тяжёлой, мутной волной, но не приносил забвения, лишь обострял чувства. Она постоянно видела его. То мельком в толпе, то через плечо соседа. Он не подходил. Не пытался заговорить. Он просто наблюдал. Будто ждал. Или наслаждался зрелищем её растущего страха.

Она стояла, прислонившись к косяку двери на террасу, пытаясь глотнуть холодного воздуха, когда к ней подошёл Даниил. Он улыбался своей обычной, спокойной улыбкой.

— Ты как? Не потерялась в этой толчее?

— Я... нормально, — выдавила она, и её голос прозвучал хрипло.

— Музыка, правда, оглушительная, — сказал он, будто извиняясь за всё происходящее. — Слушай, вот сейчас вроде что-то медленное включают. Может, потанцуем?

Лиза колебалась. Её взгляд метнулся по залу, выискивая чёрную водолазку. Его нигде не было видно. Может, ушёл? Обманул её ожидания, просто ушёл? Облегчение, сладкое и обманчивое, волной накатило на неё. Алкоголь в крови шептал: «Почему бы и нет? Один танец».

— Ладно, — кивнула она.

Они вышли на небольшое пространство, которое очистили для медленных танцев. Музыка и правда сменилась на что-то меланхоличное, с гитарным перебором. Даниил осторожно положил ей руку на талию, она неловко положила руку ему на плечо. Они медленно покачивались, почти не двигаясь с места. Было неловко, но по-хорошему. Он что-то тихо говорил, она кивала, стараясь улыбаться. На несколько мгновений ей показалось, что всё наладится. Что этот вечер можно спасти.

И тут она увидела его.

За спиной Даниила, в паре метров от них, стоял Артём.

Он не приближался. Он просто стоял, заложив руки в карманы, и смотрел. Прямо на неё. Его взгляд был раскалённым гвоздём, вбитым ей прямо между лопаток. Он проходил сквозь Даниила, будто того не существовало, и впивался только в неё. На его лице по-прежнему не было никакого выражения — ни злости, ни ревности. Но в глубине его глаз, в этих холодных, бездонных озёрах, плясали чёрные, весёлые чертики. Он наслаждался этим. Наслаждался её попыткой быть счастливой и своим всевидящим присутствием, которое рушило всё на корню.

Лиза замерла. Её тело окаменело. Рука на плече Даниила стала тяжёлой, как гиря. Она не могла пошевелиться, не могла отвести взгляд. Она была как кролик, загипнотизированный удавом.

Даниил, почувствовав её внезапное напряжение, её остекленевший взгляд, уставленный куда-то за его спину, обернулся.

Он увидел Артёма. Увидел его неподвижную фигуру и пристальный взгляд, направленный на Лизу.

Наступила странная, тягучая пауза. Музыка играла, вокруг кружились пары, а они трое стояли, как в ледяном треугольнике.

И тогда Артём медленно, очень медленно улыбнулся. Это было всего лишь механическое движение лицевых мышц, обнажившее ровные белые зубы. Холодная, безжизненная, мёртвая улыбка. Он не сказал ни слова. Просто посмотрел на Лизу этим ледяным взглядом, полным немого обещания, развернулся и растворился в толпе так же бесшумно, как и появился.

Танец был окончен.

Лиза отшатнулась от Даниила, её лицо было белым как мел.

— Мне... мне нужно выйти, — прошептала она и, не слушая его ответа, бросилась прочь, к выходу, чувствуя, как по её спине стекает ледяной пот.

Он последовал за ней. Он был здесь, в этом доме. И его игра в кошки-мышки только что перешла на новый, куда более опасный уровень.

Спасибо за ваше время и внимание к роману! Если история тронула вас, отметьте её # и подпишитесь — вместе сделаем её заметнее.

Глава 18

Воздух в коттедже стал густым и невыносимым, как в аквариуме, где слишком много рыб. Каждый вздох приносил с собой запах перегара, пота и дешёвой парфюмерии. Музыка, ещё недавно оглушающая, теперь билась в висках тупой, монотонной болью. Для Лизы вечеринка превратилась в подобие пытки. Каждое прикосновение к её руке, каждый обращённый к ней взгляд заставлял её вздрагивать. Она постоянно чувствовала его присутствие, даже когда не видела. Это было как излучение — невидимое, но пронизывающее всё вокруг.

Она пробиралась к выходу, расталкивая локтями разгорячённые тела. Кто-то крикнул ей вслед что-то пьяное и обидное, но она даже не разобрала слов. Единственной мыслью было — выбраться. Выбраться на воздух, в тишину, в темноту. Упасть на землю и не двигаться.

Дверь оказалась тяжёлой. Она навалилась на неё всем телом, и вот — её окатило волной ледяного, свежего ночного воздуха. Он обжёг лёгкие, заставив закашляться. Лиза прислонилась к холодной шершавой стене коттеджа, закрыв глаза, и пыталась отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле, сбивая ритм. Ноги были ватными. В голове гудело от выпитого, но паника была сильнее алкоголя — ясная, острая, как лезвие.

Он здесь. Он здесь. Он видел. Он видел всё.

Сцена с танцем стояла перед глазами, как застывший кадр: улыбка Артёма, мёртвая и безжизненная, и его глаза, в которых плясали бесы. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться, но дрожь шла изнутри, из самого нутра.

И тут её слух уловил другой звук. Почти бесшумный, но чужеродный в этой ночной тишине. Глухое урчание хорошо отлаженного двигателя.

Она медленно открыла глаза.

К обочине, в метре от неё, бесшумно, как призрак, подкатил чёрный BMW. Большая, дорогая машина, лак на которой отсвечивал тусклым блеском в лунном свете. Оно выглядело здесь так же нелепо, как и её платье с пайетками на этой вечеринке.

Стекло со стороны водителя опустилось беззвучно.

И он посмотрел на неё. Из темноты салона. Его лицо было освещено лишь тусклым светом приборной панели — бледное, с резкими, словно высеченными из мрамора чертами. Холодное. Абсолютно бесстрастное.

— Садись. Отвезу, — произнёс он. Его голос был ровным, без интонации. Не предложение. Констатация факта. Приказ.

У Лизы перехватило дыхание. Инстинкт самосохранения кричал одно: *Беги!* Она сделала шаг назад, к стене, прижимаясь к ней спиной.

— Нет... — выдавила она. — Я... я сама.

Он не стал ничего говорить. Просто открыл дверь и вышел из машины. Он возник перед ней, заполнив собой всё пространство. От него пахло морозным воздухом и дорогим парфюмом — холодным, древесным, чуждым.

— Я сказал, садись, — повторил он, и в его тоне впервые появилась сталь.

Он шагнул вперёд. Лиза попыталась отпрянуть, но за ней была стена. Его рука вцепилась ей в руку выше локтя. Пальцы сжались с такой силой, что она вскрикнула от боли и неожиданности. Его пальцы впивались в её мышцы, обещая синяк.

— Отстань! — взвизгнула она, пытаясь вырваться. Но он был невероятно силён. Его хватка не ослабевала ни на грамм. Он тащил её к машине, её каблук скользили по гравию.

— Пусти! Я не поеду с тобой!

Он не реагировал. Его лицо оставалось каменным. Он подтащил её к открытой пассажирской двери, и тут, прежде чем втолкнуть её внутрь, он наклонился. Его губы оказались в сантиметре от её уха. Она почувствовала его дыхание — горячее, учащённое.

— Хорошо повеселилась? — прошепел он. Его шёпот был низким, хриплым, полным сдержанной, кипящей ярости и чего-то ещё... чего-то тёмного, похожего на извращённое желание. Это был не вопрос. Это было обвинение и упрек, и обещание чего-то страшного в одном флаконе.

Прежде чем она успела что-то ответить, он с силой втолкнул её на кожаном сиденье. Она ударила головой о подголовник. Дверь с глухим, окончательным звуком захлопнулась.

Он обошёл машину, сел за руль. Раздался тихий щелчок — центральный замок. Они были заперты. Вместе. В тесном, пропитанном его запахом пространстве.

Салон BMW был идеально чистым. Пахло кожей, дорогим парфюмом и едва уловимым ароматом кофе. И ко всем этим ароматам, как фальшивая нота, примешивался запах её дешёвого шампуня и алкоголя, которой она пила на вечеринке. Два мира, два абсолютно разных измерения столкнулись здесь, в этой металлической коробке, несущейся по ночной дороге.

Артём тронул с места резко, стараясь быстрее выплеснуть наружу клокочущее в нем напряжение. Он сжимал руль так, что костяшки его пальцев побелели, выступая под кожей резкими буграми.

Он не смотрел на неё. Его взгляд был прикован к тёмной ленте асфальта, уходящей в ночь. Но он чувствовал её. Каждый её вздох, каждый шелест одежды, когда она пыталась отодвинуться к двери. Он чувствовал её страх. Он был почти осязаемым, густым, как сироп.

Его взгляд скользнул к зеркалу заднего вида. Он поймал её отражение — бледное, испуганное лицо, широко раскрытые глаза. Но задержался он не на нём. Его внимание привлекло другое. Как вздымалась её грудь под тонкой тканью платья, на которое она набросила теплый худи. Часто, прерывисто. От учащённого дыхания, от паники.

И это зрелище вызвало в нём странную, двойную реакцию. С одной стороны — удовлетворение. Чистая, незамутнённая власть. Он контролировал её состояние. Её страх был его творением, его произведением. Он был режиссёром этого спектакля.

Но была и другая сторона. Более тёмная, более примитивная. Её страх был животным, инстинктивным. И эта животная, неприкрытая эмоция, это физиологическое реагирование на него — учащённое дыхание, дрожь — задевало в нём какие-то потаённые струны. Ему нравилось не только её унижение. Ему нравилась её бессознательная реакция на него, на его близость. Это было доказательством его влияния, его силы над ней на самом глубоком, биологическом уровне.

Он резко свернул с основной дороги, на грунтовку. Машину подбросило на кочках. Лиза вскрикнула, ухватившись за ручку над дверью.

— Куда ты едешь? — её голос прозвучал сдавленно, почти шёпотом.

Он не ответил. Просто ускорился. Фары выхватывали из тьмы обочину, заросшую бурьяном, и какие-то заброшенные постройки. Они ехали на пустырь.

Глава 19

Машина летела по ночному городу, разрезая темноту двумя острыми лучами фар. Городской пейзаж за окном сменялся с калейдоскопической быстротой, но для Лизы это было одно сплошное полотно тьмы, на котором её ум проецировал лишь один образ: его профиль в полумраке салона, освещенный мерцанием уличных фонарей.

Она сидела, вжавшись в пассажирскую дверь, каждый мускул напряжен до предела. Тонкая ткань платья внезапно казалась ей невыносимо тесной, а тепло в салоне — удушающим. Его близость ощущалась физически — как изменение давления, как статистическое электричество, заставляющее волосы на руках подниматься. Она пыталась дышать тише, почти замирая, но грудь предательски вздымалась, выдавая её внутреннюю панику.

В голове стучала о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.